

Рудольф Штайнер

Бхагавад-гита и Послания Св. Павла

GA 142

Rudolf Steiner

The Bhagavad Gita and the Epistles of St. Paul

GA 142

Лекция I. Кологна, 28 Декабря 1912

Лекция II. Кологна, 29 Декабря 1912

Лекция III. Кологна, 30 Декабря 1912

Лекция IV. Кологна, 31 Декабря 1912

Лекция V. Кологна, 1 Января 1913

Лекция I. Кологна, 28 Декабря 1912

Единый план Мировой Истории.

Слияние трех духовных течений в Бхагавад Гита.

Мы стоим сегодня, как бы, у стартовой точки основания Антропософского общества в более узком смысле и мы должны воспользоваться этой возможностью, чтобы еще раз напомнить нам о важности и значении нашего общего дела. Это верно, что то, чем Антропософское общество желает быть для более новой культуры не должно в принципе отличать ее от того, чем мы всегда занимались в нашем кругу под именем Теософии. Однако вероятно такое придание нового имени может все же напомнить нам о серьезности и достоинстве с которыми мы намереваемся действовать в нашем Духовном движении и ввиду этой точки зрения я выбрал название этого курса лекций. В самом начале нашего Антропософского дела мы будем говорить о предмете, который способен многочисленными путями указывать на замечательную важность нашего Духовного движения для современной цивилизации.

Многие люди могут быть удивлены, обнаружив два такие явно широко отличные Духовные течения сведенные вместе, как великая Восточная поэма Бхагавад Гита и Послания того, кто был так тесно связан с основанием Христианства, Апостола Павла. Мы можем лучше всего распознать близость этих двух Духовных течений друг к другу, если вступительным образом мы укажем, как на сегодняшний день

должно обнаружить с одной стороны то, что относится к великой поэме Бхагавад Гита, а с другой стороны Павлинизм, который происходит с начала Христианства.

Определенно, многое в Духовной жизни нашего настоящего времени отличается от того, что было даже сравнительно короткое время тому назад, но именно это самое отличие есть то, что делает такое Духовное движение, как Антропософия так необходимым.

Давайте поразмыслим, как сравнительно короткое время тому назад, если человек занимался Духовной жизнью своего времени, он должен был в действительности, как я показал в моих курсах в Базеле и Мюнхене, изучить три периода в тысячу лет каждый; один до-Христианский период в тысячу лет и два других тысячелетия, совокупность которых еще не вполне завершилась; две тысячи лет проникнутых и насыщенных Духовным течением Христианства. Что мог бы сказать такой человек лишь короткое время тому назад, когда размышляя о Духовной жизни человечества, когда, как мы сказали, не было вопроса о Теософском или об Антропософском движении, как мы теперь понимаем его? Он мог бы сказать: "В настоящее время делает себя заметно ощущаемым нечто, что может быть найдено за тысячелетия, предшествующие Христианской эре". Ибо только в течении последней тысячи лет до Христианской эры обнаруживаются индивидуальности персональной важности в Духовной жизни. Как бы ни могло появляться для нас многое великим и мощным и могущественным в Духовных течениях прежних времен, все же личности и индивидуальности не выступают из того, что располагается в этих течениях. Давайте взглянем назад на то, что мы считаем не в таком ограниченном смысле, как последняя тысяча лет до Христианской эры. Давайте взглянем назад на Египетское или Халдейско-Вавилонское Духовное течение; здесь мы обзораем непрерывность, так сказать, связанной Духовной жизни. Только в Греческой Духовной жизни мы находим индивидуальности, как таковые, выдающиеся как всецело Духовные и жизненные. Великие, могущественные учения, мощный взор в пространство Космоса; все это мы находим в древние Египетские или Халдейско-Вавилонские времена, но только в Греции мы начинаем взирать на отдельных личностей, на Сократа или Перикла, Фидиаса, Плато, Аристотеля. Личности, как таковые, начинают отмечаться. Это есть особенность Духовной жизни последних трех тысяч лет; и я не только имею в виду сами замечательные личности, но скорее воздействие, произведенное Духовной жизнью на каждую отдельную индивидуальность, на каждую личность. В эти последние три тысячи лет, это стало вопросом личности, если можно так выразиться; и факт, что отдельные индивидуальности теперь ощущают необходимость принятия участия в Духовной жизни, находят внутренний комфорт, надежду, мир, внутреннее блаженство и защищенность в различных Духовных течениях дает таковым их значимость. И с тех пор, вплоть до сравнительно короткого времени тому назад, мы были заинтересованы в истории, поскольку она продвигалась от одной личности к другой, мы не приобретали действительно ясного понимания того, что происходило до последних трех тысяч лет. История, только для которой мы имели, вплоть до недавних пор, какое-либо понимание, началась с Греции, а в течение перехода от первой ко второй тысяче лет, произошло то, что связано с великим Существом, Иисусом Христом. В течение первой тысячи лет то, чем мы обязаны Греции является преобладающим, и те Греческие времена выдвигаются вперед особым образом. В начале их расположены Мистерии. То, что происходило из них, как мы часто описывали, переходило на Греческих поэтов,

философов и артистов в каждой области. Ибо если мы желаем верно понять Эсхилиса, Софокла, Еврипида, мы должны искать источник для такого понимания в том, что происходило из Мистерий. Если мы желаем понять Сократа, Плато и Аристотеля, мы должны искать источник их философий в Мистериях, не говоря о таких выдающихся фигурах, как Гераклит. Вы можете прочитать о нем в моей книге "Христианство, как Мистический Факт", как всецело он зависел от Мистерий.

Затем во второй тысяче лет мы видим Христианский импульс вливающийся в Духовное развитие, постепенно поглощающий Греческий и объединяющий себя с ним. Всецелое второй тысячи лет проходило таким образом, что мощный Христианский импульс объединил себя со всем, что перешло из Греции как живущая традиция и жизнь. Так мы видим Греческую мудрость, Греческое чувство и Греческое искусство медленно и постепенно объединяющимися органически с импульсом Христа. Таким образом вторая тысяча лет проходила свой путь. Затем в третьей тысяче лет начинается культивирование личности. Мы можем сказать, что мы можем видеть в третьей тысяче лет как отлично ощущается Греческое влияние. Мы видим это, когда мы рассматриваем таких художников как Рафаэль, Михаил Ангелий и Леонардо да Винчи. В третьей тысяче лет Греческое влияние более не воздействует совместно с Христианством, как оно делало в культуре во второй тычяче лет; не как нечто исторически великое, не как нечто измышленное внешне было Греческое влияние ощущаемо в течение второй тычячи лет. Однако в третьей тысяче мы имеем поворот в установочных целях Греческого. Мы видим как Леонардо да Винчи, Михаил Ангелий и Рафаэль позволили себе быть подверженными влияниям великих творений искусства, которые были затем обнаружены; мы видим Греческое влияние становящимся все более и более поглощенным. Оно было поглощено бессознательно в течение второй тычячи лет, но в третьем тысячелетии оно было принято все более и более сознательно. Примером того, как это Греческое влияние становилось распознаваемым в глазах мира, должно быть обнаружено в фигуре философа Томаса Аквинаса; и как он был вынужден объединить то, что изливалось из Христианской философии с философией Аристотеля. Здесь Греческое влияние было поглощено сознательно и объединено с Христианством в философской форме; как и в случае Рафаэля, Михаила Ангелия и Леонардо да Винчи в форме искусства. Такое всецелое движение мысли возвышется до Духовной жизни и даже примет форму определенной религиозной оппозиции в случае Джордано Бруно и Галилео. Не смотря на все это, мы обнаружим где угодно Греческие идеи и концепции, особенно о природе, плодоносящие снова; имеется сознательное поглощение Греческого влияния, однако это не идет назад далее за Греческий век. В каждой Душе, не только в более знающей или более высоко обученной, но в каждой Душе вплоть до наипростейшей, Духовная жизнь распространена широко и обитает в тех, в ком Греческое и Христианское влияние объединены сознательно. Из университетства вплоть до крестьянской хижины Греческие идеи обнаруживаются объединенными с Христианством.

Теперь, в девятнадцатом веке появляется нечто особенное, что нуждается в Антропософии, чтобы объяснить это. Тут мы видим в одном единственном примере, что могущественные силы находятся в действии. Когда замечательная поэма Бхагавад Гита впервые стала известной в Европе, определенные значительные мыслители были восхищены величием поэмы, ее глубоким содержанием; и никогда не должно быть забыто, что такой вдумчивый Дух как

Вильям фон Хумбольд, когда он ознакомился с ней, сказал, что это была самая глубочайшая философская поэма, которая когда-либо завладевала его вниманием; и он сделал прекрасное замечание, что это стоило того, чтобы иметь возможность дорасти до такого возраста как он, чтобы иметь возможность ознакомиться с Бхагавад Гита, великой Духовной песней, которая звучит из изначальных священных времен Восточной древности. Что за чудесная вещь, что медленно, хотя возможно и не так привлекательно все еще для широких кругов, так много из Восточной древности было излито в девятнадцатое столетие посредством Бхагавад Гита. Ибо это не является подобным другим писаниям, которые перешли из древнего Востока, которые провозглашают Восточные мысли и чувства с той или иной точки зрения. В Бхагавад Гита нам противостоит нечто, о чем мы можем сказать, что это есть объединенное течение всех различных точек зрения Восточной мысли, чувства и восприятия. Это есть то, что делает ее такой значительной.

Теперь давайте вернемся назад к древней Индии. Помимо других важных вещей, мы найдем здесь в первую очередь три тени, если можно так их назвать, Духовных течений, проистекающих из древних до-исторических времен. То Духовное течение, которое мы встречаем в самых ранних Ведах и которое развилось в дальнейшем в более поздние Ведантические поэмы, есть одно вполне определенное - мы опишем его здесь - есть, если можно так сказать, одно-стороннее, все же вполне отдельное Духовное течение. Затем мы встретим второе Духовное течение в философии Санкхья (Sankhya), которое снова идет в определенном Духовном направлении; и наконец, мы встретим третью тень Восточного Духовного течения в Йоге. Здесь мы имеем три наиболее замечательные ориентальные Духовные течения помещенные перед нашими Душами. Веда, Санкхья и Йога.

Система Санкхья Капила, философия Йоги Патанджали и Веда есть Духовные течения определенного оттенка, которые из-за такого определенного оттенка являются до определенной протяженности одно-сторонними и которые являются великими из-за своей одно-сторонности. В Бхагавад Гита мы имеем гармоническую интерпретацию всех трех Духовных течений. Что философия Вед имеет дать нам обнаруживается сияющим в Бхагавад Гита; что Йога Патанджали имеет дать человечеству мы находим снова в Бхагавад Гита; и что Санкхья Капила имеет дать, мы найдем здесь также. Более того, мы не найдем их как конгломерат, но как три части вливающих гармонически в один организм, как если они изначально принадлежат вместе. Величие Бхагавад Гита расположена во всесторонности ее описания как эта ориентальная Духовная жизнь получает свои притоки от Вед с одной стороны, с другой от философии Санкхья Капила и снова с третьей стороны от Йоги Патанджали.

Мы теперь кратко охарактеризуем то, что каждое из этих течений имеет дать нам. Течение Вед является наиболее эмфатически, подчеркнуто философией единства, оно является наибольшим Духовным монизмом, который мог быть помыслен; философия Вед, которая консолидирована в Веданте есть Духовный монизм. Если мы желаем понять философию Вед, мы должны в первую очередь удерживать ясно перед нашими Душами факт, что эта философия основана на мысли, что человек может найти нечто глубже в своей собственной Душе, а то, что он осознает в обычной жизни является неким видом выражения или отпечатка этой его самости, Я; что человек может развить и что его развитие вытянет

глубины его истинного Я все больше и больше из оснований его Души. Высшее Я покоится как бы дремлющим в человеке, и это высшее Я не является тем, что современный человек непосредственно осознает, но есть то, что действует в нем и к чему он должен развить себя. Когда человек однажды достигнет того, что живет в нем как "Я", он затем осознает, согласно философии Вед, что это "Я" является одним со все-объемлющим Я Мира, что он не только покоится со своим Я во все-объемлющем Мировом-Я, но что он сам есть одно с ним. Настолько он является одним с этим Мировым-Я, что он соотносится к нему двояким образом. Некоторым образом, подобным нашему физическому во вдыхании и выдыхании представляет Ведантист отношение человеческого Я к Мировому-Я. Как некто вдыхает и снова выдыхает, поскольку вовне есть универсальный воздух, а внутри только малая его порция, которую мы вдохнули, так вовне нас мы имеем универсальное, все-объемлющее, все-проникающее Я, которое живет и движется во всех вещах и которое мы вдыхаем когда мы предаемся медитации о Духовном Я Мира. Духовно, его вдыхают с каждым восприятием, которое достигает это Я, его вдыхают со всем, что втягивается в Душу. Все знание, все мышление, все восприятие есть Духовное дыхание; а то, что мы как часть Мирового-Я, втягиваем в наши Души (чья часть остается органически объединенной с Целым), это есть Атман, Дыхание, которое по отношению к нам является как часть воздуха, который мы вдыхаем и которая не может быть различной от того, что является все-правлящим Я Мира. Как мы выдыхаем физически, так есть приверженность Души, через которую лучшее, что существует в ней, выходит в форме молитвы и жертвенности к этому Я. Брахман есть подобное Духовному выдыханию. Атман и Брахман, подобно вдыханию и выдыханию делают нас соучастниками в во все-правлящем Мировом-Я. То, что мы находим в Ведах является моноистической Духовной философией, которая есть в то же самое время религия; а цветение и плод Ведантизма располагается в том, что благославляет человека, в наиболее полном и наивысшей степени удовлетворяющем чувстве единства с универсальным Я, могущественно проникающим через Мир. Ведантизм рассматривает эту связь человечества с единством Мира, факт человеческого бытия внутри части всего великого Духовного космоса. Мы не можем сказать Веда-Слово, потому что Веда означает Слово, но Слово-Веда само дышится, соответственно Ведантической концепции, все-правлящим унитарным Существом, а человеческая Душа может принять его в себя как высшее выражение знания. В принятии Слова-Веда, вбирается самая лучшая часть все-могущего "Я", приобретается сознание связи между индивидуальным человеческим Я и этим все-могущим Мировым-Я. Что Веда говорит есть Бог-Слово, которое является креативным, созидющим, и которое рождается снова в человеческом знании, и так ведет его наряду с креативным принципом, который живет и проникает через Мир. Следовательно то, что написано в Ведах оценивается как Божественное Слово, и кто преуспел в овладении им, рассматривался как профессор Божественного Слова. Божественное Слово пришло Духовно в Мир и было найдено в Ведических-Книгах; те, кто овладел этими книгами принимал участие в креативном принципе Слова.

Философия Санкхья является другой. Когда сначала встречаются с ней, как она пришла к нам через традицию, мы находим ее противоположной учению Единства. Если мы желаем сравнить философию Санкхья с чем-нибудь, мы можем сравнить ее с философией Лейбница (Leibnitz). Это есть плюралистическая, множественная философия. Несколько Душ упоминается в ней - человеческие Души и Души Богов - не проследуются в философии Санкхья

к унитарному источнику, но берутся как Душевное состояние, отдельное, так сказать, от Единства. Плюрализм, множественность Душ есть то, что мы находим в философии Санкхья. Независимость каждой индивидуальной Души, выносящей свое развитие в Мире, заключенном внутри своего собственного существа, строго подчеркивается; а в контрасте с плюрализмом Душ это есть то, что в философии Санкхья называется элементом Пракрити (Prakriti). Мы не можем хорошо описать это современным словом "материя", ибо оно имеет материалистическое значение. Однако в философии Санкхья мы не подразумеваем выразить это "вещественным", которое находится в контрасте со множественностью Душ, и которое опять таки не выводится из общего источника. В первую очередь мы имеем множественность Душ, а затем то, что мы можем назвать материальной основой, которая как изначальное течение протекает через Мир, через Пространство и Время, и из которого Души берут элементы для своего внешнего существования. Души должны одеть себя в этот материальный элемент, который опять таки не прослеживается обратно к Единству с самими Душами. И так это есть в философии Санкхья, что мы принципиально находим такой материальный элемент, тщательно изучаемым. Внимание не направляется сильно на индивидуальную Душу; это принимается как нечто реальное, что есть здесь, ограниченное и объединенное с такой материальной основой, и что принимает самые разнообразные формы в ней, и таким образом показывается внешне во многих различных формах. Душа облачается таким изначальным материальным элементом, что можно мыслить, как сама индивидуальная Душа происходит из Вечности. Природа Души выражается через материальный базовый элемент и делая так, она принимает много различных форм, и в частности изучение этих материальных форм мы находим в философии Санкхья. Здесь мы имеем, в первую очередь, так сказать, изначальную форму такого материального элемента как некий вид изначального течения в который погружена Душа. Таким образом если бы мы должны были взглянуть назад на первые стадии эволюции, мы должны были найти недифференцированные материальные элементы погруженные здесь, множественность Душ, которые должны развиваться дальше. Что, следовательно мы найдем как Форму, как все еще недифференцированную форму Единства изначального источника, есть сама Духовная субстанция, которая располагается в начальной точке эволюции. Первая вещь, которая затем возникает, с которой Душа может еще облачаться индивидуально, есть Буддхи. Так что когда мы представляем себе Душу, облаченную изначальным потоком-субстанцией, внешне эта Душа не должна быть различима от универсального подвижного элемента изначального потока. Постольку, поскольку Душа не только погружает себя в это первое существо универсального вздымающегося изначального потока, но также в то, что впервые продолжается из него, таким образом она облачается в Буддхи. Третий элемент, который формирует себя из целого и через который Душа может затем стать все более и более индивидуальной, есть Ахамкара. Она состоит из все более и более низших форм изначальной субстанции. Так что мы имеем изначальную субстанцию, первая форма которой есть Буддхи, а вторая Ахамкара. Следующая форма есть Манас, затем идет форма, которая состоит из органов чувств; за ней следует форма четырех элементов, а последняя форма состоит из элементов субстанции, которую мы имеем в нашем физическом окружении. Это есть линия эволюции, по философии Санкхья. Выше есть самый сверхчувственный элемент, изначальный Духовный поток, который, становясь все плотнее и плотнее, снисходит к тому, что окружает нас в грубых элементах, из которых также построено человеческое тело. Между ними находятся субстанции, из которых, например, сотканы наши

органы чувств, и более тонкие элементы, из которых соткано наше эфирное или жизненное тело. Должно быть тщательно отмечено, что соответственно философии Санкхья, все это есть оболочки Души. Даже то, что происходит из изначального потока есть оболочка для Души; Душа впервые есть в нем; и когда философ Санкхья изучает Буддхи, Ахамкара, Манас, чувства, тонкие и плотные элементы, он понимает посредством этого возрастающие плотные оболочки, внутри которых Душа выражает себя.

Мы должны ясно понимать, что манера, в которой философия Вед и Санкхья представлены нам, является возможной только потому, что они были составлены в то древнее время, когда древнее ясновидение все еще существовало, в любом случае, в определенной степени. Веды и содержание философии Санкхья возникли различными путями. Веды основываются повсюду на изначальной инспирации, которая была все еще естественным обладанием древнего человека; они были даны человеку, так сказать, без осуществления чего-либо, чтобы заслужить их, за исключением того, что все свое существо человек подготавливал сам для того, чтобы получить в свою внутреннюю глубину ту Божественную инспирацию, которая сама приходила к нему, и чтобы получить ее тихо и спокойно. Философии Санкхья была сформирована другим образом. Тот процесс был чем-то подобным изучению нашего сегодняшнего дня, только, что оно не является проникнутым ясновидением, как оно было проникнуто тогда прежде. Философия Вед состояла из ясновидческого знания, инспирации, данной милостью свыше. Философия Санкхья состояла из знания, разыскиваемого, как мы ищем его теперь, но разыскиваемого людьми, для кого ясновидение было еще доступным. Поэтому философия Санкхья оставляет фактический Душевный элемент незатронутым, так сказать. Она допускает, что Души могут отчеканить себя в том, что мы можем изучать как сверхчувственные внешние формы, но она в особенности изучает внешние формы, которые возникают как облачения этих Душ. Отсюда мы обнаружим полную систему форм, встречающихся нам в Мире, так же как в нашей собственной науке мы обнаруживаем число фактов о природе; только в философии Санкхья наблюдение простирается до ясновидческого наблюдения фактов. Философия Санкхья есть наука, которая хотя и получена ясновидением, есть все таки наука внешних форм, которые не простираются в сферу Души: Душевная природа остается в некотором смысле не обеспокоенной такими изучениями. Тот, кто посвящает себя Ведам чувствует абсолютно, что его религиозная жизнь есть Одно с жизнью Мудрости; однако философия Санкхья есть наука, она есть восприятие форм в которых Душа выражает себя. Однако вполне возможно для учеников философии Санкхья чувствовать религиозное посвящение Души их философии. Способ, которым Душевный элемент организован в формы - не сам Душевный элемент, но форма, которую он принимает - прослеживается в философии Санкхья. Он определяет способ, которым Душа, более или менее, сохраняет свою индивидуальность или, иначе, еще больше погружена в материальное. Она имеет дело с Душевым элементом, который, это истина, расположен под поверхностью, но который внутри материальных форм все еще сохраняется как Душа. Душевный элемент, таким образом, замаскированный во внешней форме, но который проявляется как Душа, обитает в элементе Саттва (Sattva). Душевный элемент погруженный в форму, но который является, так сказать, запутанным в нем и не может выйти из нее, обитает в элементе Тамас (Tamas); а то, в чем более или менее, Душевный элемент и его внешнее выражение в форме являются в некоторой степени сбалансированными, обитает в элементе Раджас (Radjas). Саттва, Раджас, Тамас есть три Гуны (Gunas),

относящиеся к существенной характеристике того, что мы знаем как философия Санкхья.

Полностью другим, опять таки, является то Духовное течение, которое снисходит к нам как Йога. Оно вызывает непосредственно к самому Душевному элементу и ищет пути и средства понимания человеческой Души в непосредственной Духовной жизни, так что она восходит с той точки, которую она приобрела в Море к более и более высоким стадиям Душевного существа. Таким образом Санкхья есть созерцание оболочек Души, а Йога есть руководство Души ко все более и более высоким стадиям внутреннего переживания, опыта. Посвятить себя Йоге означает постепенное пробуждение высших сил Души, так что она переживает нечто, что не может быть обнаружено в каждодневной жизни, что открывает дверь к более и более высоким стадиям существования.

Йога есть, следовательно, путь к Духовным мирам, путь к освобождению Души от внешних форм, путь к независимой жизни Души внутри себя. Йога есть другая сторона философии Санкхья. Йога приобрела свое великое значение, когда та инспирация, которая была дана как благословение свыше и которая инспирировала Веды, не могла более снисходить вниз. Йога должна была быть использована теми Душами, которые, принадлежа более поздней эпохе человечества, не могли более получать что-нибудь непосредственным откровением, но были вынуждены прорабатывать свой путь вверх к высотам Духовного существования от низших стадий. Таким образом в древние изначальные Индийские времена мы имели дело с тремя резко определенными течениями, Ведами, Санкхья и Йога, а сегодня мы призваны еще раз объединить эти Духовные течения, так сказать, вынося их на поверхность способом, подходящим для нашего века, из основ Души и из глубин Космоса.

Вы можете найти все три течения снова в Духовной Науке (Антропософии). Если вы прочитаете то, что я попытался поместить перед вами в первых частях моего "Тайноведения" о человеческом устройстве, о сновидении и бодрствовании, о жизни и смерти, вы найдете там то, что можно в нашем современном смысле назвать философией Санкхья. Затем прочтите то, что там сказано о Море от Сатурна вплоть до нашего времени и вы имеете философию Вед, выраженную для нашего века; в то время, если вы прочитаете последние главы, которые имеют дело с человеческой эволюцией, вы имеете Йогу, выраженную для нашего века. Наш век должен организованным способом объединить то, что излучается к нам в трех так резко определенных Духовных течениях из древней Индии в философии Вед, в философии Санкхья и Йоге. По этой причине наш век должен изучать замечательную поэму Бхагавад Гита, которая в глубоко поэтической манере представляет, как это есть, объединение этих трех течений; наш век должен быть глубоко подвинут Бхагавад Гита. Мы должны искать нечто родственное нашим Духовным устремлениям в более глубоком содержании Бхагавад Гита. Наши Духовные течения не только касаются древних течений как целое, но также и в деталях. Вы распознаете, что в моем "Тайноведении" была сделана попытка выработать вещи из самих себя. Нигде мы не зависим от истории. Нигде не может тот, кто действительно понимает, что там сказано, найти какое-нибудь подтверждение о Сатурне, Солнце и Луне, что вещи выносятся из исторических источников; они просто сами выводятся из сути дела. Все же как это ни странно сказать, то, что носит шаблон нашего времени соответствует в поразительных местах тому, что звучит к нам из древних веков. Только совсем небольшое

подтверждение будет дано. Мы читаем в Ведах в особенном месте о развитии Космоса, которое может быть выражено в словах, как нечто следующее: "Тьма была облачена во тьму в изначальном начале, все было неразличимым потоком-эссенцией. Затем возникла могущественная пустота, которая была везде проникнута теплом". Теперь я прошу вас вспомнить результат нашего изучения эволюции Сатурна, в которой о субстанции Сатурна говорилось как о субстанции тепла, и вы почувствуете гармонию между так называемой "новейшей вещью в Тайноведении" и тем, что сказано в Ведах. Следующее высказывание гласит: "Затем первым возникла Воля, первое семя Мысли, связь между Сущим и Не-Сущим, ... и эта связь была найдена в Воле ... ". И вспомните, что было сказано в новой манере выражения о Духах Воли. Во всем, что мы должны сказать в настоящее время мы не должны искать, чтобы доказать созвучие с древним; гармония придет сама, потому что истина искалась тогда и снова находится на нашей собственной основе.

Теперь в Бхагавад Гита мы обнаружим, поэтическое восхваление, только что описанных, трех Духовных течений. Великие учения, которые сам Кришна сообщил Арджуне приведены к нашему вниманию в важный момент Мировой истории - важный момент того отдаленного века. Момент является значимым, потому что это есть время, когда старые кровные узы ослабляются. Во всем, что должно быть сказано в этих лекциях о Бхагавад Гита вы должны помнить, что снова и снова было подчеркнуто: что кровные узы, расовая принадлежность и родство, были всецело особенной важности в изначальные времена, и становились менее сильными только постепенно. Вспомните все, что было сказано в моем памфлете "Оккультное Значение Крови". Когда эти кровные узы начали ослабляться, из-за этого ослабления, началась великая борьба, которая описана в Махабхарате (Mahabharata) и из которой Бхагавад Гита является только эпизодом. Мы видим там, как потомки двух братьев, и следовательно, кровных связей, разделяются из-за своих Духовных тенденций; как то, что через кровь прежде дало бы им одинаковую точку зрения, теперь выбирает разные пути; и как, следовательно, возникает затем конфликт, ибо конфликт должен возникнуть, когда кровные узы также ослабляют свою значимость, как помощь для развития. Для тех, для кого кровные узы не имели более значения, приходит Кришна как великий учитель. Он пришел как великий учитель. Он должен был быть учителем нового века, поднятого из старых кровных связей. Как он стал учителем, мы рассмотрим завтра; однако теперь может быть сказано, как вся Бхагавад Гита показывает нам, что Кришна включил три Духовные течения в свое учение и сообщил их своему ученику как организованное Единство.

Как должен такой ученик возникнуть перед нами? Он смотрит с одной стороны на своего отца, а с другой стороны на братьев своего отца; дети обоих братьев теперь не будут более вместе, они должны разделиться; теперь различное Духовное течение должно завладеть одной линией и другой. Душа Арджуны преисполнена вопросом: Как это будет, когда того, что было удерживаемо вместе кровными узами, более нет здесь? Как может Душа участвовать в Духовной жизни, если эта жизнь более не течет так, как она делала прежде, под влиянием древних кровных уз? Арджуне кажется, как если бы все должно прийти к концу. Смыслом великого учения Кришны является, однако, показать, что это не будет так, что все будет другим. Кришна теперь показывает своему ученику - который должен пережить время перехода от одной эпохи к другой - что Душа, если она должна стать гармоничной, должна принять что-нибудь из всех этих трех Духовных течений.

Мы находим Ведантическое Единство, правильно интерпретируемое в учениях Кришны, как и принципы учения Санкхья и принципы Йоги. Ибо что же есть то, что фактически располагается за всем тем, что мы готовы узнать из Бхагавад Гита? Откровения Кришны сводятся приблизительно к такому эффекту: Существует Космическое Слово, само содержащее креативный, созидающий принцип. Как звук, произведенный человеком, когда он говорит волнует, движет и обитает в воздухе, также Слово вздымается, вплетается и обитает во всех вещах, создает и правит всем существованием. Таким образом принцип Веды дышит через все вещи. Это может принято человеческим восприятием в Душевную жизнь человека. Существует высшее, вплетенное Созидающее Слово в Ведических документах. Слово есть созидающий принцип Мира; оно открывается в Ведах. Это есть одна часть учения Кришны. Душа человека способна понять, как Слово обитает в различных формах существования. Человеческое знание изучает законы существования, осознавая как отдельные формы бытия выражают с регулярностью фиксированного закона то, что есть Душа и Дух. Учения о формах в Море, о законах, которые оформляют существование, о законах Космоса и их манере действия есть философия Санкхья, другая сторона учения Кришны. Так же, как Кришна сделал ясным своему ученику, что за всем существованием есть созидающее Космическое Слово, так же он сделал ясным ему, что человеческое знание может распознать различные формы и, следовательно, осознать законы Космоса. Космическое Слово, законы Космоса, как они отражены в Ведах и Санкхья, были открыты Кришной своему ученику. Он также говорил ему о пути, который ведет индивидуального ученика в высоты, где он может однажды снова участвовать в знании Космического Слова. Таким образом Кришна также говорит о Йоге. Учение Кришны троично: оно учит о Слове, о Законе и о благоговейной приверженности, преданности Духу.

Слово, Закон и Преданность есть три течения, посредством которых Душа может осуществить свое развитие.

Эти три течения всегда действуют на Душу человека тем или иным способом. Не видели ли мы уже, что современная Духовная Наука должна искать новые выражения этих трех течений? Однако века отличаются один от другого и многими различными способами будет то, что есть троичное постижение Мира преподнесено человеческим Душам. Кришна говорит о Космическом Слове, о Созидающем Слове, о формировании существования, о преданном углублении Души - о Йоге. Та же троичность встречается нам в другой форме, только более конкретным, живым образом - в Существовании, которое Само должно быть мыслимо как движущееся по Земле - как Инкарнация Божественного Созидающего Слова! Веды пришли человечеству в абстрактной форме. Божественный Логос, о котором Евангелие Св. Иоанна повествует, есть Само Живое и Созидающее Слово! То, что мы находим в философии Санкхья, как закон, предметом которого есть Космические формы, который, исторически перенесенный в древнее Еврейское откровение, есть то, что Св. Павел называет Закон. Третье течение мы найдем у Св. Павла как Вера в воскресшего Христа. То, что было Йога у Кришны, у Св. Павла было Верой, только в более конкретной форме - Верой, которая должна заменить Закон. Так троичность Веда, Санкхья и Йога были как розовость восхода того, что позднее поднялось как Солнце. Веда появляется снова в Самом подлинном Существовании Христа теперь вступающем конкретным, живым способом в историческую эволюцию, изливающим Себя не абстрактно в пространство и протяженность времени, но обитая как отдельная Индивидуальность, как Живое

Слово. Закон встречается нам в философии Санкхья в том, что показывается нам, как материальная основа, Пракрити, развивается даже вплоть до грубых субстанций. Закон открывает, как Мир пришел к существованию и как индивидуальный человек развивается в нем. Это выражено в древнем Еврейском откровении Закона, в осуществлении Моисея. Поскольку Св. Павел ссылается на этот Закон древних Евреев, он ссылается на философию Санкхья; поскольку он ссылается к Вере в Воскресшего, он ссылается на Солнце, от которого розовый восход возник в Йоге. Таким образом восходит особенным образом то, первые элементы чего мы находим в Ведах, Санкхья и Йоге. То, что мы находим в Ведах возникает в новой, но теперь в конкретной форме как Живое Слово, Которым все вещи были созданы и без Которого ничто не было создано, что было создано и Которое, однако, с течением времени стало плотью. Санкхья возникает как историческое представление, основанное на Законе того, как из Мира Элохима, возник Мир феноменов, Мир грубых субстанций. Йога трансформировала себя в то, что соответственно Св. Павлу, выражено в словах: "Не Я, но Христос во мне", то есть другими словами, когда сила Христа проникает Душу и поглощает ее, человек восходит к высотам Божественного.

Таким образом мы видим как в подготовительной форме, логически последовательный план присутствует в Мировой истории, как Восточное учение было подготовлением, как оно дает в более абстрактной форме, то, что в конкретной форме мы находим так великолепно содежащимся в Христианстве Павла. Мы увидим, что точно осознавая связь между великой поэмой Бхагавад Гита и Посланиями Св. Павла, открываются глубочайшие тайны, касающиеся того, что мы можем назвать руководящим Духовным в коллективном обучении человеческой расы. Поскольку нечто такое новое должно также быть ощущаемо в новом веке, то этот более новый век должен проникнуть за время Греции и должен развить понимание того, что лежит за тысячи лет непосредственно до Христа - понимание того, что мы находим в Ведах, Санкхья и Йоге. Как Рафаэль в своем искусстве и Томас Аквинас в своей философии должны были обратиться назад к Греции, так и мы увидим, как в наше время, сознательный баланс должен быть установлен между тем, что настоящее время пытается достигнуть и тем, что лежит дальше чем Греческий век и простирается назад в глубины Восточной античности. Мы можем позволить этим глубинам Восточной античности вливаться в наши Души, если мы поразмыслим об этих различных Духовных течениях, которые должны быть найдены в том замечательном гармоническом Единстве, которое Хумбольдт называет величайшей философской поэмой Бхагавад Гита.

Лекция II. Кологна, 29 Декабря 1912

Базовое знание Гита, Веда, Санкхья, Йога.

Бхагавад Гита, возвышенная песнь Индийцев считается, как я упоминал вчера, квалифицированными личностями, как самая важная философская поэма человечества и тот, кто углубляется в возвышенную Гиту, рассматривает такое выражение всецело оправданным. Мы воспользуемся возможностью, данной этими лекциями, чтобы показать высокое художественное достоинство Гиты, но превыше всего, мы должны осознать важность этой поэмы, рассматривая то, что лежит в ее основании, могущественные мысли и замечательное знание Мира из

которого она выросла, для прославления и распространения которого она была создана. Такой взгляд в фундаментальное знание, содержащееся в Гите является особенно важным, потому что сущности этой поэмы, особенно все, относящееся к мысли и знанию, сообщены нам из до-Буддийской стадии знания, так что мы можем сказать: Духовный горизонт, который окружал великого Будду, из которого он вырос, характеризуется в содержании Гиты. Если мы позволим этому влиять на нас, мы взглянем в Духовные условия древней Индийской цивилизации в до-Буддийском веке. Мы уже подчеркнули, что мысль, содержащаяся в Гите является комбинированным излиянием трех Духовных течений, не только слитых одно в другом, но движущихся и живущих одно в другом, так что они встречаются нам в Гите как одно целое. То, что мы встречаем как объединенное целое, как Духовное излияние изначальной Индийской мысли и восприятия, есть грандиозный и прекрасный аспект знания, неизмеримая сумма Духовного знания; количество Духовного знания так обширно, что современный человек, который еще не изучал Духовной науки не может не испытывать сомнений к такому количеству знания и глубине науки, не имеющих возможного стандарта с которым должно сравнить их. Обычные современные методы не содействуют тому, чтобы достигнуть глубин дна знаний, сообщенных в Гите; самое большее, что возможно, это смотреть на повествуемое здесь как на прекрасную мечту, которую человечество однажды грезило. Только с современной точки зрения возможно было бы, вероятно, восхищаться этой мечтой, но не признать ее, как имеющую какое-нибудь научное значение. Однако те, кто уже изучал Духовной науку будут поражены глубинами Гиты и должны признать, что в изначальные века человеческий ум проникал в знание, которое мы можем пере-приобрести постепенно посредством Духовных органов, которые мы должны развить с течением времени. Их восхищение возрастает касательно изначального прозрения, которое существовало в те прошлые века. Мы можем восхищаться им, потому что мы сами способны пере-открыть его во Вселенной и таким образом подтвердить его истинность. Когда мы пере-откроем его и распознаем его истинность, мы затем признаем насколько прекрасно действительно то, что в те изначальные века люди были способны возвышать себя до таких Духовных высот! Мы знаем, что в те древние дни человечество было специально привилегированно в том, что остаток древнего ясновидения был все еще живым в человеческих Душах и что не только посредством Духовной медитации, приобретенной использованием специальных упражнений, люди были ведомы в Духовные миры, но также, что наука тех дней могла сама, в определенном смысле, быть проникнутой знанием и идеями, которые приносил остаток древнего ясновидения. Мы должны признать, что сегодня мы распознаем по всецело иным причинам корректность того, что сообщается нам, но мы должны понять, что в те древние времена тонкие различия, касающиеся существа человека были достигнуты иными средствами; изобретательные концепции были выведены из того, что человек был способен знать; ясно очерченные концепции, которые могли быть применены к Духовной как также и ко внешней физической действительности. Так что во многих отношениях, если мы просто изменим выражения, которые мы используем сегодня, чтобы согласовать наши различные точки зрения, мы найдем возможным также понять прежние точки зрения.

Мы попытались, продвигая вперед наше Духовное знание, представить вещи так, как они возникают для современного ясновидческого восприятия; так что наш сорт Духовной науки представляет то, что Духовно мыслящий человек может достичь сегодня средствами, находящимися под его управлением. В ранние дни

Теософского движения меньше осуществлялось посредством того, что выводилось непосредственно Духовной наукой, чем такими методами, какие были основаны на обозначениях и неясных концепциях, используемых на Востоке, особенно тех, которые посредством древних традиций были перенесены со времен Гиты на Востоке в наш сегодняшний день. Отсюда более старая форма Теософского развития (к которому мы теперь добавили наш современный метод оккультного исследования) действовал больше через древние традиционно полученные концепции - особенно концепции философии Санкхья. Однако как такая философия Санкхья сама была постепенно изменена на Востоке через изменение в восточной мысли, так и в начале Теософского движения обсуждались существо человека и другие тайны; а такие вещи были специально описаны посредством выражений, используемых Санкарачарья (Sankaracharya), великим реформатором Ведантического и Индийского знания в восьмом веке Христианского исчисления. Нам не нужно посвящать много внимания выражениям, используемым в начале Теософского движения, но чтобы достичь оснований знания и мудрости Гиты, мы посвятим себя древней изначальной Индийской мудрости. То, что мы встретим сначала, что так сказать, выведено из самой той древней мудрости, особенно должно быть найдено в философии Санкхья.

Мы лучше всего приобретем понимание того, как философия Санкхья рассматривает существо и природу человека, если в первую очередь мы удерживаем ясно перед собой факт, что Духовный зародыш существует во всем человечестве; мы всегда выражали этот факт, говоря, что в человеческой Душе существуют дремлющие силы, которые по ходу человеческой эволюции будут появляться все больше и больше. Наивысшее, к которому мы можем в настоящее время стремиться и которого человеческая Душа может достичь, будет тем, что мы называем Духо-Человек. Даже когда человек, как существо, поднимется до стадии Духо-Человека, он все еще должен будет различать между Душой, которая обитает в нем и тем, что есть сам Духо-Человек; так же как в повседневной жизни мы должны различать между тем, что является нашей наиболее внутренней Душой и оболочками, которые заключают ее: астральное тело, эфирное или жизненное тело, и физическое тело. Также, как мы смотрим на эти тела, как на оболочки и различаем их от самой Души, которая в настоящем Цикле человечества подразделена на три части: чувственную или ощущающую Душу, интеллектуальную или рассудочную Душу и сознательную Душу - так же, как мы таким образом различаем между природой Души и системой оболочек - так и в будущих стадиях мы должны будем считаться с действительной Душой, которая будет тогда иметь свое троичное подразделение, подходящее для тех будущих стадий и соответствующих нашей чувственной Душе, рассудочной Душе и сознательной Душе и природе оболочек, которая тогда достигнет той стадии человека, которую в нашей терминологии мы называем Духо-Человек. То, однако, что однажды станет человеческой оболочкой и которая будет, так сказать, заключать Духовно-Душевную часть человека, Духо-Человека, станет значимым для человека только в будущем, однако то, к чему существо в итоге разовьется есть всегда здесь, в величественной Вселенной. Субстанция Духо-Человека в которую мы однажды будем облачены всегда была в величественной Вселенной и есть здесь в настоящее время. Мы можем сказать: Другие существа уже сегодня имеют оболочки, которые будут однажды формировать Духо-Человека; таким образом, субстанция из которой однажды будет состоять человеческий Духо-Человек, существует во Вселенной. Это, что позволяет утверждать нам наше

учение, было уже известно древней доктрине Санкхья; и то, что таким образом существовало во Вселенной, еще не индивидуализированное или разделенное, но текущее подобно Духовной воде, неразделенное, наполняющее Пространство и Время, все еще существует и будет продолжать существовать, это, из чего все другие формы произошли, было известно философии Санкхья как наивысшая форма субстанции; эта форма субстанции, которая была принята философией Санкхья как продолжающаяся от века к веку. И когда мы говорим о начале эволюции нашей Земли (вспомните курс лекций, данных мной однажды в Мюнхене об основании Истории Творения), как мы говорим, как в начале нашей Земной эволюции все, к чему наша Земля теперь развилась, присутствовало в Духе как субстанциальное Духовное существо, так и философия Санкхья говорит об начальной субстанции, изначальном текущем потоке, из которого все формы, обе физическая и сверх-физическая были развиты. Для современного человека эта наивысшая форма не доступна для рассмотрения, однако придет день, как мы показали, когда она должна будет рассматриваться.

В следующей форме, которая будет развита из такой изначальной текущей субстанции, мы должны распознать то, что считая сверху, мы знаем как второй принцип человека, который мы называем Жизне-Дух; или, если мы желаем использовать Восточное выражение, мы можем назвать Буддхи. Наше учение, итак, говорит нам, что человек разовьет Буддхи в нормальной жизни в будущей стадии; однако как сверх-человеческий Духовный форма-принцип он всегда существовал среди других сущностей и, поскольку он всегда существовал, он является первой формой, дифференцированной от изначальной текущей субстанции. Соответственно философии Санкхья сверх-Душевное существование Буддхи восходит от первой формы субстанционального существования. Если мы рассмотрим дальнейшую эволюцию субстанционального принципа, мы встретим как третью форму то, что философия Санкхья называет Ахамкара. В то время как Буддхи находится, так сказать, на границе принципа дифференцирования и только намекает на определенную индивидуализацию, форма Ахамкара возникает как уже полностью дифференцированная, так что когда мы говорим об Ахамкаре, мы должны представлять Буддхи как организованную в независимые, реальные, субстанциальные формы, которые существуют тогда в Миров индивидуально. Если мы хотим получить картину этой эволюции, мы должны представлять одинаково распределенную массу воды, как субстанциальный изначальный принцип; затем представлять ее вздымающуюся так, что появляются отдельные формы, но не откалывающиеся, как полностью сформированные капли, но формы, которые поднимаются как маленькие возвышения воды из общей субстанции и все же имеющие свою основу в общем изначальном течении. Мы должны тогда иметь Буддхи; и постольку, поскольку такие воды-возвышения отделяют себя в капли, в независимые шары, глобусы, в них мы имеем форму Ахамкара. Посредством определенного уплотнения такой Ахамкары, уже индивидуализированной формы каждой отдельной Душевной-формы, возникает то, что мы описываем как Манас.

Здесь мы должны признать, что вероятно небольшое несоответствие возникает, касательно наименования вещей. В рассматривании человеческой эволюции с точки зрения нашего учения, мы помещаем (считая сверху) Само-Дух после Жизне-Духа или Буддхи. Такая манера обозначения абсолютно корректна для настоящего Цикла человечества и в курсе этих лекций мы увидим, почему. Мы не вставляем Ахамкару между Буддхи и Манасом, но для цели нашей концепции, мы объединяем ее с Манасом и называем оба вместе Само-Дух. В те древние дни это

было вполне оправдано рассматривать их как отдельные по причине, которую я только обозначу сегодня и позднее разработаю детально. Это было оправдано, потому что невозможно было тогда использовать ту важную характеристику, которую мы должны давать, если мы должны сделать себя понятыми на сегодняшний день; характеристику, которая с одной стороны приходит от влияния Люцифера, а с другой стороны от влияния Аримана. Эта характеристика абсолютно отсутствует в философии Санкхья и для построения, которое не имеет возможности взглянуть на эти два принципа из-за того, что невозможно еще найти и следа их силы, было вполне оправдано проскользнуть в такую дифференцированную форму между Буддхи и Манасом. Когда мы следовательно говорим о Манасе в смысле философии Санкхья, мы не говорим полностью об одинаковой вещи, как когда мы говорим о ней в смысле Санкарачарья. В последнем, мы можем в совершенстве идентифицировать Манас с Само-Духом; но мы не можем фактически делать так в смысле философии Санкхья; хотя мы можем охарактеризовать вполне полно то, что есть Манас.

В этом случае мы сначала начнем с человека в Мире чувств, живущего в физическом Мире. Прежде всего он проживает свое физическое существование таким образом, что он осознает свое окружение посредством своих чувств; а посредством своих органов осязания, посредством своих рук и ног, рукодействием, хождением, разговором, он реагирует на физический Мир вокруг него. Человек осознает окружающий Мир посредством своих чувств и воздействует на него, в физическом смысле, посредством своих органов осязания. Философия Санкхья вполне соответствует этому. Однако как человек осознает окружающий Мир посредством своих чувств? Так, нашими глазами мы видим свет и цвет, свет и тьму, мы видим также контуры вещей; нашими ушами мы воспринимаем звуки; нашими органами обоняния мы ощущаем запахи; нашими органами осязания мы получаем осязательные впечатления. Каждый отдельный орган является средством осознания определенной части внешнего Мира. Органы зрения воспринимают цвета и свет; органы слуха - звуки и так далее. Мы являемся как бы соединенными с окружающим Миром через такие двери нашего существа, которые мы называем чувствами; через них мы открываем себя окружающему Миру; однако через каждый отдельный орган мы приближаемся к определенной провинции этого Мира. Теперь, даже обычный язык показывает нам, что внутри нас мы носим нечто подобное принципу, который держит вместе эти различные провинции, к которым склонны наши чувства. Например, мы говорим о теплых и холодных цветах, хотя мы знаем, что это только манера разговора, и что в реальности мы осознаем холод и тепло посредством органов осязания, а цвета, свет и тьму посредством органов зрения. Таким образом мы говорим о теплых и холодных цветах, так сказать, с определенной внутренней взаимосвязи, которую мы чувствуем, мы прилагаем то, что воспринимается одним чувством к другим. Мы выражаем себя так, потому что в нашем внутреннем существе существует определенное переплетение, смешение между тем, что мы воспринимаем посредством зрения и тем, что мы осознаем как чувство тепла - более деликатно чувствительные люди, слыша определенные звуки, могут внутренне осознавать определенные идеи цветов; они могут говорить об определенных нотах, как представляющих красное, а других - голубое. Внутри нас, следовательно, обитает нечто, что держит отдельные чувства вместе и делает из отдельных чувственных-полей завершенное для Души. Если мы чувствительны, мы можем продвинуться еще дальше. Существуют, например, люди, которые чувствуют, вступая в один город, что он дает

впечатление желтого, другой город дает впечатление красного, иной белого, иной голубого. Многие из того, что впечатляет нас внутренне, трансформируется в восприятие цвета; мы объединяем отдельные чувства-впечатления внутренне в одно коллективное чувство, которое не принадлежит области любого отдельного чувства, но живет в нашем внутреннем существе и наполняет нас чувством неделимости, когда мы используем любое одно чувственное впечатление. Мы можем назвать это внутренним чувством; и мы можем тем более называть его так, постольку, поскольку все, что мы в противном случае испытываем внутренне как печаль и радость, эмоции и склонности, мы объединяем снова с тем, что такое внутреннее чувство дает нам. Определенные эмоции мы можем описать как темные и холодные, другие как теплые и полные света. Мы можем, следовательно сказать, что наше внутреннее существо реагирует снова на то, что формирует внутреннее чувство. Следовательно, как противоположное нескольким чувствам, которые мы направляем на различные провинции внешнего Мира, мы можем говорить об одном, которое наполняет Душу; одном, о котором мы знаем, что оно не соединено с любым отдельным чувством-органом, но принимает наше целое существо как его инструмент. Описать это внутреннее чувство как Манас было бы вполне в гармонии с философией Санкхья, ибо соответственно этому, то, что формирует такое внутреннее чувство в субстанцию, развивается, как более поздний продукт формы, из Ахамкары. Мы можем, следовательно, сказать: Сначала идет изначальный текущий поток, затем Буддхи, затем Ахамкара, затем Манас, последний из которых мы находим внутри нас как наше внутреннее чувство. Если мы желаем обозреть это внутреннее чувство, мы можем сделать так, беря отдельные чувства и рассматривая, как мы можем формировать концепцию путем, в котором восприятия отдельных чувств объединены во внутреннее чувство.

Это есть путь, который мы выберем сегодня, потому что наше знание следует обратному пути. Если мы взглянем на развитие нашего знания, мы должны признать, что оно начинается с дифференциации отдельных чувств и затем пытается добраться до совместного чувства. Эволюция идет другим путем. В течение эволюции Мира, Манас сначала развивается из Ахамкары, а затем изначальные субстанции дифференцируют себя в силы, формирующих отдельные чувства, которые мы носим в себе. (Этим мы не имеем ввиду те материальные чувства-органы, которые принадлежат физическому телу, но силы, которые располагаются в основании их, как формирующие силы и которые полностью сверх-чувственны.) Следовательно когда мы спускаемся со ступеней лестницы эволюции форм, мы спускаемся от Ахамкары к Манасу, согласно философии Санкхья; затем Манас дифференцируется в отдельные формы и производит те сверх-чувственные силы, которые строят наши отдельные чувства. Мы имеем, следовательно - потому что, если мы рассматриваем отдельные органы, в которых Душа принимает участие - возможность приведения того, что мы получаем из философии Санкхья, на одну линию с тем, что содержит наше учение. Ибо философия Санкхья говорит нам следующее: В то, что Манас дифференцировал себя в отдельные Мировые-силы чувств, Душа погружает себя - мы знаем, что сама Душа отлична от этих форм - Душа погружает себя в эти различные формы; однако постольку, поскольку она делает так, а также погружает себя в Манас, то действуя через эти чувства-силы, она переплетается и вплетается в них. Делая так, Душа достигает точки расположения себя касательно своего Духовно-Душевного существа во взаимосвязи со внешним Миром для того, чтобы чувствовать удовольствие и симпатию внутри. Из Манаса дифференцировалась сила-

субстанция, которая составляет, например, глаз. В ранней стадии, когда физическое тело человека не существовало в своей современной форме (так излагает философия Санкхья), Душа была погружена только в силы, которые составляют глаз. Мы знаем, что современный человеческий глаз был заложен зародышно во время древнего Сатурна - все же только после отхода теплового органа, который на сегодняшний день должно обнаружить в застойной форме в шишковидной железе - развился, так сказать сравнительно поздно. Однако силы, из которых он развился, были уже в сверх-чувственной форме, и Душа обитала в них. Таким образом философия Санкхья излагает следующее: постольку, поскольку Душа обитает в таком дифференцируемом принципе, она прикреплена к существованию внешнего Мира и развивает жажду к этому существованию. Через силы чувств Душа соединена с внешним Миром; отсюда склонность к существованию и стремление к нему. Душа посылает нечто подобно щупальцам через чувства-органы и через их силы прикрепляет себя ко внешнему Миру. Такую комбинацию сил, реальную сумму сил мы объединяем в астральном теле человека. Философия Санкхья говорит о комбинированном действии отдельных чувств-сил, на этой стадии дифференцированных из Манаса. Снова, из этих чувств-сил возникают тонкие элементы, из которых, как мы осознаем, составлено эфирное тело. Это есть сравнительно позднее создание. Мы находим такое эфирное тело в человеке.

Мы должны, следовательно, представить себе, что в ходе эволюции было сформировано следующее: изначальный поток, Буддхи, Ахамкара, Манас, субстанции чувств и тонкие элементы. Во внешнем Мире, в царстве Природы, такие тонкие элементы также должны быть найдены, например, в растениях как эфирное или жизненное тело. Мы должны затем представить, согласно философии Санкхья, что на основе этой всей эволюции должно быть найдено в каждом растении развитие, начинающееся сверху и идущее вниз, которое приходит от изначального потока. Однако в случае растения все имеет место в сверх-чувственном, и становится только реальным в физическом Мире, когда оно уплотняет себя в тонкие элементы, которые обитают в эфирном или жизненном теле растения; в то время как с человеком это есть случай, когда высшие формы и принципы уже проявили себя как Манас в своем современном развитии; отдельные органы чувств проявляют себя внешне. В растении должно быть найдено то позднее создание, которое возникает, когда чувственная субстанция уплотняет себя в тонкие элементы, в эфирные элементы; а от дальнейшего уплотнения эфирных элементов возникают грубые элементы, из которых происходят все физические вещи, встречающиеся нам в физическом Мире. Следовательно, считая вверх, мы можем, согласно философии Санкхья, перечислить человеческие принципы как: физическое тело, тонкое эфирное тело, астральное тело (это выражение не используется в философии Санкхья, вместо этого используется формо-силовое тело, которое строит чувства), затем Манас во внутреннем чувстве, затем Ахамкара, которая основывает человеческую индивидуальность, которая вызывает то, что человек не только имеет внутреннее чувство, через которое он может воспринимать несколько регионов чувств, но также чувствовать себя как отдельное существо, индивидуальность. Ахамкара вызывает это. Затем идут высшие принципы, которые существуют в человеке только зародышно - Буддхи и то, что остальная Восточная философия привыкла называть Атма, которая Космически мыслилась философией Санкхья, как Духовный изначальный поток, который мы описывали. Таким образом в философии Санкхья мы имеем полное представление конституции человека, как

человек, как Душа развивает себя в прошлом, настоящем и будущем в субстанциональный природу-принцип, посредством чего не только внешнее видимое должно быть понято, но и все стадии Природы, вплоть до самых невидимых. Так философия Санкхья разделяет формы, которые мы сейчас упомянули. В формах или в Пракрити, которая включает все формы от грубого физического тела до изначального потока обитает Пуруша, Духо-Душа, которая в отдельных Душах представляется как монадическая; так что отдельные Души-Монады должны, так сказать, быть принципами Пракрити - которая не является материальной в нашем материалистическом смысле - также представляется как существо без начала и без конца. Эта философия, таким образом, представляет множественность Душ, погруженных в принцип Пракрити и развивающих себя от высшей недифференцированной формы изначального потока, в который они облачают себя, вплоть до воплощения в грубом физическом теле для того, чтобы затем вернуться назад и, после преодоления физического тела, развиваться вверх снова; чтобы вернуться в изначальный поток и освободить себя даже от него для того, чтобы быть способными, как чистые Души, углубиться в чистую Пурушу.

Если мы позволим такому сорту знаний влиять на нас, мы увидим как, лежащей в ее основе, так сказать, была та древняя мудрость, которую мы сейчас стремимся пере-достигнуть средствами, которые могут дать нам Душевные медитации; и согласно философии Санкхья мы видим, что существует проникновение даже в манеру, в которой каждый из этих форм-принципов может быть объединен с Душой. Душа может, например, быть так соединенной с Буддхи, что она осознает свою полную независимость, будучи как бы в Буддхи; так что не Буддхи, но Душа-природа ощущается в превосходящей степени. Противоположный случай также может иметь место. Душа может погрузить свою независимость в некий вид сна, облачить себя в апатию и бездействие, так что оболочка-природа является самой преобладающей. Таким может быть случай с внешней физической природой, состоящей из грубой субстанции. Здесь нам только нужно рассмотреть человеческие существа. Может существовать человек, который преимущественно культивирует свою Душу и Дух, так что каждое движение, каждый жест, каждый взгляд, которые могут быть сообщаемы посредством грубого физического тела, являются вторичной важности в сравнении с тем фактом, что в нем выражаются Духовная и Душевная природа. Перед нами стоит человек - мы видим его конечно в грубом физическом теле, которое стоит перед нами - но в его движениях, жестах и взглядах имеется нечто, что заставляет нас сказать: Этот человек полностью Духовный и Душевный, он только использует физический принцип, чтобы выразить это. Физический принцип не пересиливает его; наоборот, он везде является победителем физического принципа. Такое состояние, в котором Душа является господином внешнего оболочки-принципа есть состояние Саттва. Такое состояние Саттва может существовать в связи с отношением Души к Буддхи и Манасу как также и Души к телу, которое состоит из тонких и грубых элементов. Ибо если говорят: Душа обитает в Саттве, это значит ничто другое, как определенное отношение Души к ее оболочке, Духовного принципа такой Души к природе-принципу; отношение Пуруши-принципа к Пракрити-принципу. Мы можем также видеть человека, чье грубое физическое тело полностью преобладает над ним - мы не говорим сейчас о моральной характеристике, но о чистой характеристике, такой, какая понимается в философии Санкхья и которая не несет, рассматривая ее Духовными глазами, никакой моральной характеристики, какой бы она ни была. Мы можем встретить человека, который так сказать, движется под тяжестью своего физического тела, кому трудно

выразить Душу в своем физическом теле. Когда мы двигаем мускулы нашего лица в гармонии с разговором Души, Саттва принцип является господином; когда количества жира отпечатывают специальную физиономию наших лиц, Душа-принцип пересилен тогда внешним оболочкой-принципом, а Душа выносит отношение Тамаса к природе-принципу. Когда имеется баланс между этими двумя состояниями, когда ни Душа не имеет господства, как в случае с состоянием Саттвы, ни внешняя оболочка-природа, как в состоянии Тамаса, когда оба одинаково сбалансированы, это может быть названо состоянием Раджаса. Имеются три Гуны, которые особенно важны. Мы должны, следовательно, различать характеристику отдельных форм Пракрити. От самого высшего принципа недифференцированной изначальной субстанции, вплоть до грубого физического тела имеется одна характеристика, характеристика только оболочки-принципа. От этого мы должны различать то, что принадлежит философии Санкхья для того, чтобы характеризовать отношение Душевной природы к оболочкам, независимо от того, какой форма оболочки может быть. Такая характеристика дается через три состояния Саттва, Раджас, Тамас.

Мы теперь донесем до наших умов проникающие глубины такого знания и осознаем как глубоко должна была иметь прозрение в тайны бытия наука, которая была способна дать такое всеобъемлющее описание всех живых существ. Тогда такое восхищение наполнит наши Души, о котором мы говорили ранее, и мы скажем себе, что это есть самая замечательная вещь в истории развития человека, что то, что появляется сегодня снова в Духовной науке из темных Духовных глубин должно было уже существовать в те древние времена, когда оно было получено другими методами. Все это знание однажды существовало, мои дорогие друзья. Мы воспринимаем это, когда мы направляем наш взор к определенным изначальным временам. Затем, давайте взглянем на последующие века. Мы созерцаем то, что обычно достигает нашего внимания в Духовной жизни различных периодов, в древний Греческий век, в последующий Римский век и в Христианские Средние века. Мы поворачиваем наш взор от того, что древние культуры отдали современным временам, пока мы не придем к веку, когда Духовная наука снова не приносит нам нечто, что выросло в изначальном знании человечества. Если мы исследуем все это, мы можем сказать: В наше время мы часто лишены даже наималейшего отблеска того изначального знания. Все больше и больше только знание внешнего материального бытия занимает место знания грандиозной сферы существования и сверх-чувственного всеобъемлющего древнего восприятия. Это было целью эволюции трех тысяч лет, что на место древнего изначального восприятия должно было возникнуть внешнее знание материальной физической плоскости. Это интересно наблюдать, как на материальной плоскости одиноко - я не желаю удерживать это замечание от вас - все еще остается, оставленное, как бы позади, в веке Греческой философии нечто, подобное эху древнего знания Санкхья. Мы можем все еще найти у Аристотеля некоторые отголоски реальной Душевной-природы; однако они во всей их совершенной ясности не могут более должным образом быть связанными с древним знанием Санкхья. Мы даже найдем у Аристотеля распределение человеческого существа внутри грубого физического тела; он не точно упоминает это, но очерчивает распределение, в котором, как он считает, он дает Душевную-часть, в то время как философия Санкхья знает, что это есть только оболочки; мы найдем растительную Душу, которая в смысле философии Санкхья была бы приписана тонкому элементарному телу. Аристотель считает, что он описывает нечто, относящееся к Душе; но он только описывает связи

между Душой и телом, Гунами, и в том, что он описывает он дает однако форму оболочек. Затем Аристотель приписывает тому, что простирается в сферу чувств и что мы называем астральным телом, нечто, что он различает как Душа-принцип. Таким образом он более ясно не различает Душевную часть от телесной, потому что для него первое уже было наводнено телесной формой; он различает Астетикон (Asthetikon), а в Душе он далее различает Оректикон (Orektikon), Кинетикон (Kinetikon) и Дианетикон (Dianetikon). Таковые, согласно Аристотелю, являются градациями Души, однако мы более не найдем у него ясного различия между Душой-принципом и его оболочками; он считает, что дает классификацию Души, в то время как философия Санкхья понимает Душу в ее собственном существе как монаду и все дифференциации Души являются, как бы, сразу помещенными в обложке-принципе, в Пракрити принципе.

Следовательно, даже сам Аристотель, говоря о Душевной части более не говорит о том изначальном знании, которое мы открываем в философии Санкхья. Но в одной области, области материального, Аристотель все еще имеет изложить нечто, что подобно выжившему отголоску принципа трех состояний; то есть когда он говорит о свете и тьме в цветах. Он говорит: Существуют некоторые цвета, которые имеют больше тьмы в себе, и другие которые имеют больше света и существуют цвета между таковыми. Согласно Аристотелю, в цветах, от голубого до фиолетового тьма преобладает над светом. Таким образом цвет есть голубой или фиолетовый, потому что тьма преобладает над светом, и есть зеленый или зеленовато-желтый когда свет и тьма уравнивают друг друга, в то время цвет есть красноватый или оранжевый, когда свет-принцип пересиливает тьму. В философии Санкхья мы имеем этот принцип трех состояний для всего охвата Мира-феномена; мы имеем Саттву, когда Духовное преобладает над природой. Аристотель все еще имеет ту же самую характеристику, говоря о цвете. Он не использует этих слов, но можно сказать: Красное и красно-желтое представляют состояние Саттва света. Такая манера выражения более не обнаруживается у Аристотеля, но принцип древней философии Санкхья все еще обнаруживается у него; зеленое представляет состояние Раджас, в отношении света и тьмы, а голубое и фиолетовое, в которых преобладает тьма, представляет состояние Тамас света и тьмы. Даже хотя Аристотель не использует этих выражений, все еще может быть прослежен ход мыслей, возникающий из того Духовного понимания Мировых состояний, которые мы встречаем в философии Санкхья. В учении цвета Аристотеля мы имеем, следовательно, эхо древней философии Санкхья. Однако даже это эхо было утеряно и мы впервые переживаем мерцание этих трех состояний Саттва, Раджас, Тамас во внешней области Мира цвета, в трудной битве, проводимой Гете (Goethe). Ибо после того, как древнее разделение Мира цвета в состояния Саттва, Раджас, Тамас было погребено, так сказать, оно затем пере-появилось у Гете. В настоящее время оно все еще обругивается современными физиками, однако цвето-система Гете создана из принципов Духовной мудрости. Физик сегодня прав со своей собственной точки зрения, когда не соглашается с Гете об этом, но он только доказывает, что в этом отношении физика оставлена всеми добрыми Богами! Это есть случай с современной физикой, которая из-за этого недовольна учением цвета Гете.

Если сегодня желали бы действительно скомбинировать науку с оккультными принципами, то было бы обязательным поддержать теорию цвета Гете. Ибо в ней мы снова обнаружим, в самом центре нашей научной культуры, принцип,

который однажды давно царил как Духовный принцип философии Санкхья. Вы можете понять, дорогие друзья, почему много лет тому назад я поставил себе задачу довести Гетевскую цветовую теорию снова до внимания как физическую науку, основывающуюся, однако, на оккультных принципах; ибо можно релевантно сказать, что Гете так разделяет цветовые феномены, что он представляет их соответственно трем состояниям Саттва, Раджас, Тамас. Так постепенно возникает в новой Духовной истории, открытое современными методами то, что человечество достигало однажды давно полностью другими средствами. Философия Санкхья является до-Буддистской, как легенда Будды представляет очень ясно перед нашими глазами; ибо она излагает, и справедливо, Индийскую доктрину того, что Капила был основателем философии Санкхья. Будда был рожден в месте обитания Капилы, в Капила Васту (Kapila Vastu), посредством чего указывается, что Будда вырос под учением Санкхья. Даже самым своим рождением он был помещен туда, где однажды действовал тот, кто впервые собрал вместе такую великую философию Санкхья. Мы должны представлять себе эту доктрину Санкхья в ее отношении к другим Духовным течениям, о которых мы говорили, не так, как многие ориенталисты сегодняшнего дня представляют ее, но так, как это делает иезуит, Иосиф Далманн (Joseph Dahlmann); так, что в различных частях древней Индии жили люди, которые были дифференцированы, разделены, ибо во время, когда эти три Духовные течения развивались, самое первое изначальное состояние человеческой эволюции более не было здесь. Например, в северо-восточной части Индии человеческая природа была такой, что она склонялась к концепциям, данных в философии Санкхья; далее к западу, человеческая природа была такого сорта, что она склонялась чтобы постигнуть Мир, соответственно доктрине Вед. Различные Духовные "нюансы" приходили, следовательно, от различно одаренной природы в различных частях Индии; и только потому, что Ведантисты позднее разрабатывали далее и сделали много вещей известными, мы находим в Ведах в настоящее время многое из философии Санкхья, связанное с ними. Йога, третье Духовное течение, возникло как мы часто указывали потому, что древнее ясновидение постепенно исчезало и должно было искать новые пути к Духовным мирам. Йога различается от Санкхья в том, что последняя есть истинная наука, наука внешних форм, которая действительно только постигает эти формы и различные отношения человеческой Души к этим формам. Йога показывает нам, как Души могут развиваться так, чтобы достичь Духовных миров.

Если мы спросим себя, что Индийская Душа должна была делать, которая в сравнительно более позднее время желала развиваться, но не одно-сторонним путем; которая не желала прогрессировать только рассмотрением внешней формы, но хотела возвысить саму Душу-природу, так, чтобы развить снова то, что было первоначально дано как милостливое освящение в Ведах - на это мы найдем ответ в том, что Кришна дал своему ученику Арджуне в возвышенной Гите. Такая Душа должна была бы пройти через развитие, которое могло бы быть выражено в следующих словах: "Да, это истинно, ты видишь Мир в его внешних формах, и если ты проникнут знанием Санкхья, ты увидишь, как эти формы развились из изначального потока, но ты также можешь видеть, как одна форма изменяется в другую. Твое видение может последовать за возникновением и исчезновением форм, твои глаза видят их рождение и их смерть. Но если ты рассмотришь тщательно как одна форма замещает другую, как форма за формой возникает и исчезает, ты приводишься к тому, чтобы рассмотреть то, что выражается во всех формах; тщательное исследование приведет тебя к Духовному принципу, который

выражает себя во всех этих формах; иногда, более соответствующий состоянию Саттва, в другие времена более формам других Гун, но который снова освобождает себя от этих форм. Тщательное рассмотрение, такое как это, направит тебя к нечто перманентному, что в сравнении с формой, есть вечно. Материальный принцип является действительно перманентным, он остается; однако формы, которые ты видишь, возникают и исчезают снова, проходят через рождение и смерть; однако элемент Души и Духовная природа остается. Направь твой взор к этому! Но для того, чтобы ты сам переживал такой Душевно-Духовный элемент в тебе и вокруг тебя и чувствовал его одним с тобой, ты должен развить дремлющие силы в твоей Душе, ты должен предать себя Йоге, которая начинается с благоговейного взора вверх на Душевно-Духовный элемент бытия и которая использованием некоторых упражнений ведет к развитию дремлющих сил, так что ученик восходит от одной стадии к другой посредством Йоги". Благоговейное поклонение Душевно-Духовному есть другой путь, который ведет саму Душу вперед; он ведет к тому, что живет как единство за изменяющимися формами в Духовном элементе, который Веда однажды давно возвестила через милость и освящение, и который Душа снова найдет через Йогу как то, что должно быть разыскиваемо за всеми изменяющимися формами. "Поэтому ты иди", так мог великий учитель говорить своему ученику "иди через знание философии Санкхья, форм, Гун, через изучение Саттва, Раджас и Тамас, через формы от самой высшей вплоть до самых грубых субстанций, иди через них, используя твой разум, и признай, что должно быть нечто перманентное, нечто объединяющее, и затем ты проникнешь к Вечному. Ты можешь также начать в твоей Душе через благоговейное почитание; затем ты продвинешься через Йогу от стадии к стадии и достигнешь Духовного, которое есть в основе всех форм. Ты можешь приблизиться к Духовному с двух различных сторон; вдумчивым созерцанием Мира или Йогой; обе приведут тебя к тому, что великий учитель Вед описывает как Единый Атма-Брахма, который обитает как во внешнем Море, так и в самой внутренней части Души, тот который как Единство есть основа Мира. Ты достигнешь этого с одной стороны придерживаясь философии Санкхья, а с другой стороны идя через Йогу в благоговейно почтительной установке ума".

Таким образом мы смотрим на те древние времена, в которые, так сказать, ясновидческая сила была все еще объединена с человеческой природой через кровь, как я показал в моей брошюре "Оккультное Значение Крови". Однако человечество постепенно продвинулось в своей эволюции от того принципа, который был связан с кровью к тому, который состоял из Душевно-Духовного. Для того, чтобы такая связь с Душевно-Духовным не была потеряна, которая была так легко достигнута в древние времена кровного родства семейных племен и народов, новые методы должны быть найдены, новые пути обучения в течение периода перехода от кровного родства к тому периоду, в котором они более не действительны. Возвышенная песня Бхагавад Гита ведет нас к такому времени перехода. Она повествует, как потомки царских братьев линии Куру и Панду сражаются вместе. С одной стороны мы смотрим на время, которое уже прошло когда начинается история Гиты, время, в которое древне-Индийское восприятие все еще существовало и люди все еще продолжали жить в соответствии с ним. Мы можем воспринять, так сказать, одну линию, которая возникла из старых времен, пренесенная в новое, в слепом царе Дритараштра (Dritarashtra) рода Куру; и мы видим его в разговоре со своим возничим колесницы. Он находится у воинов одной стороны; на другой стороне есть те, которые родственны с ним по

крови, но которые сражаются, потому что они находятся в состоянии перехода от старых времен к новому. Таковые есть сыновья Панду; и возникший рассказывает своему царю (который характеристически описывается как слепой, потому что это не есть Духовное, которое происходит от этого корня, но физическое), возникший рассказывает своему слепому царю, что происходит там, среди сыновей Панду, к кому должно перейти все то, что не является более Душевной и Духовной природы для поколений, еще должных прийти. Он повествует, как Арджуна, представитель сражающихся, инструктируется великим Кришной, учителем человечества; он повествует, как Кришна учил своего ученика Арджуну обо всем том, о чем мы только что говорили, о том, что человек может достичь, если он использует Санкхью и Йогу, если он развивает мышление и благоговейную приверженность для того, чтобы пробиваться к тому, что великие учителя человечества прежних дней описали в Ведах. И нам излагается великолепным языком как философским, так и поэтическим, об инструкциях данных через Кришну, через великого учителя человечества новых веков, которые возникают из кровной связи. Таким образом мы находим нечто еще сияющим из тех древних времен через наше собственное. В рассмотрении, которое является основой памфлета "Окультурное Значение Крови" и многих подобных ему, я указал, как эволюция человечества после времени кровной связи приняла другие дифференциации, разделения и как устремление Души стало таким образом также другим. В возвышенной песне Бхагавад Гита мы приводимся прямо к такому переходу; мы ведомы так, что мы видим по инструкциям, данных Арджуне Кришной, как человек, которому более не принадлежит старое ясновидение, зависящее от кровной связи, должен пробиться к тому, что является вечным. В этом учении мы встречаем то, что мы обсуждали, как важный переход в эволюции человечества, а возвышенная песня Бхагавад Гита становится нам иллюстрацией того, к чему мы прибыли отдельным изучением предмета.

То, что привлекает нас особенно к Бхагавад Гите есть ясный и эмфатический, выразительный способ, которым обсуждается путь человека, путь, на который человек должен вступить, от временного к перманентному. Здесь сначала Арджуна предстает перед нами, полный тревоги в своей Душе; мы можем слышать, что в рассказе возникшего колесницы (ибо все, что повествуется приходит из уст возникшего колесницы слепого царя) Арджуна предстает перед нами с наполненной тревогой Душой, он видит себя сражающимся против Куру, его кровных родственников, и он говорит себе: "Должен я сражаться против тех, кто связан со мной по крови, против тех, кто есть сыновья братьев моих отцов? Много героев есть среди нас, которые должны обратить свое оружие против своих собственных родственников, а на противоположной стороне есть такие же почитаемые герои, которые должны направить свое оружие против нас". Он был болезненно обеспокоен в своей Душе: "Могу я выиграть это сражение? Должен я побеждать, должен один брат поднять свой меч против другого?". Затем Кришна приходит к нему, великий учитель Кришна и говорит: "Прежде всего, удели вдумчивое размышление человеческой жизни и рассмотри случай, в котором ты сам теперь находишься. В телах тех, против кого ты должен сражаться и кто принадлежит линии Куру, так сказать во временных формах, обитают Души-существа, которые являются вечными, они только выражают себя в этих формах. В тех, кто есть твои боевые соратники, обитают вечные Души, которые только выражают себя через формы внешнего Мира. Ты должен будешь сражаться, ибо так предопределяют твои законы; это предопределено действующими законами

внешней эволюции человечества. Ты должен будешь сражаться, так как это предопределено движением, которое указывает переход от одного периода к другому. Но должен ли ты скорбеть потому что одна форма сражается против другой, одна изменяющаяся форма борется с другой изменяющейся формой? Какая бы там ни была из этих форм должна привести к смерти другие - что есть смерть и что есть жизнь? Изменение форм есть смерть и это есть жизнь. Души, которые должны быть победоносными подобны тем, которые должны теперь идти к своей смерти. Что есть эта победа, что есть эта смерть в сравнении с тем, к чему вдумчивое размышление Санкхья ведет тебя, в сравнении с вечными Душами, противостоящими одна другой и все же остающимися непоколебленными всеми сражениями?". В великолепной манере, из ситуации самой, нам показано, что Арджуна не должен быть обеспокоенным Душевной тревогой в своем самом внутреннем существе, но должен исполнять свой долг, который призывает его сражаться; он должен смотреть выше временности, преходимости, которая вовлечена в сражение с вечным, которое продолжает жить или как победитель или как побежденный. И так уникальным способом великая нота прозвучала в возвышенной песне, в Бхагавад Гита; великая нота, касающаяся важного события в эволюции человечества, нота преходящего и непреходящего.

Не абстрактным мышлением, но позволив восприятию того, что содержится в этом влиять на нас, мы обнаружим себя на правильном пути. Ибо мы на правильном пути, когда мы так смотрим на инструкции Кришны, чтобы видеть, что он пытается поднять Душу Арджуны от стадии, на которой он находится, в которой он пойман в сети преходящего. Кришна пытается возвысить ее к более высокой стадии, в которой она будет чувствовать себя поднятой над всем преходящим, даже когда оно приходит к Душе в такой мучительной манере как победа или поражение, как дающая смерть или страдающая ею. Мы можем истинно видеть доказательство того, что кто-то однажды сказал об этой Восточной философии, как она представляет себя нам в возвышенной поэме Бхагавад Гита: "Эта Восточная философия является такой абсолютной частью религии древних времен, что тот, кто принадлежал ей, как угодно велик и мудр мог он быть, был не без религиозного пыла, в то время как самый простой человек, который только жил религией чувства, был не без определенного количества мудрости". Мы чувствуем это, когда мы видим, как великий учитель Кришна, не только влияет идеями на своего ученика, но воздействует непосредственно на его диспозицию, так что он возникает для нас, как размышляющий о преходимости и тревогах, принадлежащих преходящему; и в такой значимой ситуации мы видим его Душу поднимающуюся до высоты, на которой она парит высоко над всем, что есть преходяще, над всеми тревогами, болью и печалью преходящего.

Лекция III. Кологна, 30 Декабря 1912

Единство трех течений в Импульсе Христа, учении Кришны.

Полное значение философской поэмы такой, как Бхагавад Гита может быть только понято верно тем, для кого такие вещи, как изложенные в ней, или в подобных работах мировой литературы являются не только теориями, но судьбой; ибо человеческие концепции Мира могут стать судьбой.

В последние несколько дней мы познакомились с двумя различными концепциями философии Мира (не упоминая третью, Ведантическую), с двумя различными нюансами философии Мира, которые, если мы смотрим на них правильным образом, показывают нам наиболее впечатляюще, как философия Мира может стать судьбой для человеческой Души. С концепцией философии Санкхья можно связать все, что человек может достигнуть в познании, восприятии идей, исследовании феноменов Мира; все, в чем жизнь Души выражает себя. Если мы опишем то, что на сегодняшний день все еще остается для нормального человека таким познанием, философией Мира, в которой концепции Мира могут быть выражены в научной форме, если мы опишем то, что находится на более низком Духовном уровне, чем философия Санкхья, мы можем сказать, что даже в наш век, настолько, насколько позволяет нам судьба, мы можем все еще чувствовать эффекты философии Санкхья. Это будет, однако, чувствоваться тем, кто настолько, насколько позволяет ему судьба, отдается одно-стороннему изучению такой ветви философии Мира; человеком, о котором могло бы быть сказано: Он есть одно-сторонний ученый, или Санкхья философ. Как такой человек находится по отношению к Миру? Что чувствует он в своей Душе? Ну, это есть вопрос, который может действительно быть ответным только переживанием. Необходимо знать, что происходит в Душе, которая таким образом посвящает себя одно-сторонне ветви философии Мира, используя все свои силы для того, чтобы приобрести концепцию Мира в только что охарактеризованном смысле. Такая Душа может изучить все вариации форм феноменов Мира, может иметь, так сказать, самое полное понимание всех сил, которые выражают себя в Мире в изменяющихся формах. Если Душа в одной инкарнации ограничит себя, найдя возможность через свои способности и свою Карму так переживать феномены Мира, что или освященная ясновидением или нет, она в основном приобретет науку рассудка, разума, такая тенденция привела бы при всех обстоятельствах к определенной холодности всей Душевной жизни. Соответственно темпераменту такой Души, мы найдем, что она приняла бы больше или меньше характер иронической неудовлетворенности касательно феноменов Мира, или отсутствие интереса и общую неудовлетворенность знанием, которое переходит от одного феномена к другому. Все это чувствуют так много Душ в наше время, когда противостоят науке, состоящей только из изучения; холодность и опустошенность, которая затем депрессирует их, все это мы видим, когда мы исследуем Душевную тенденцию, такую, как представленную здесь. Душа чувствовала бы себя опустошенной, неуверенной в себе. Можно было бы сказать: Что я приобрел бы, если бы завоевав весь Мир, не знал бы ничего о своей собственной Душе, если я мог бы ничего не чувствовать, ничего не воспринимать, ничего не переживать; если бы все было пусто внутри! Быть набитым полностью всей наукой в Мире и все же быть пустым внутри; это было бы, дорогие друзья, горькой судьбой! Это было бы подобным тому, как быть потерянным среди феноменов Мира; это было бы подобным тому, как потеря всей ценности для собственного внутреннего существа.

Описанное только что состояние мы находим у многих людей, которые приходят к нам с некоторым сортом обучения абстрактной философии. Мы находим его в тех, кто неудовлетворенные и осознающие свою опустошенность, сами потеряли интерес ко всему их знанию, и кажутся страдающими; мы также встречаем это, когда человек приходит к нам с абстрактной философией, способный дать информацию о природе Всевышнего, космологии и человеческой Душе в абстрактных словах, и все же мы можем чувствовать, что все это приходит из

головы, что его сердце не участвует в этом - его Душа пуста. Мы чувствуем холодность, когда мы встречаем такую Душу. Таким образом философия Санкхья может стать судьбой, судьбой, которая приводит человека близко к потере себя, не обладающим ничем своим собственным и от индивидуальности которого Мир не может ничего приобрести.

Затем снова давайте возьмем случай Души, ищущей развитие одно-сторонним способом через Йогу, которая является, так сказать, потерянной в Мире, пренебрегающая знать что-нибудь о внешнем Мире. "Что хорошего для меня в том", говорит такая личность, "чтобы знать как Мир пришел к существованию? Я хочу найти все в моем собственном Я; Я буду продвигать себя, развивая мои собственные силы". Такая личность может, вероятно, чувствовать внутренний пыл, может часто возникать для нас как само-стоятельной и само-удовлетворенной. Так может быть; однако в дальнейшем она не будет всегда такой, наоборот, со временем такая Душа будет склонна к одиночеству. Когда некто, ведущий жизнь отшельника, ищущий в то же время высот Душевной жизни идет далее в Мир, приходя всюду в контакт с феноменами Мира, может вероятно сказать: "Что значат все эти вещи для меня?" и если затем, по причине своей невосприимчивости ко всей красоте манифестаций и не понимая их, он чувствует себя одиноким, замкнутость ведет к фатальной судьбе! Как можем мы действительно узнать человека, который, используя все свои силы для эволюции своего собственного существа и пренебрегает своими ближними, холодно и безразлично, как если бы он желал бы ничего не иметь общего с ними? Такая Душа может чувствовать себя потерянной для Мира; в то время, как для других она может возникать эгоистической до предела.

Только если мы рассмотрим такую жизненную взаимосвязь мы осознаем, как законы судьбы действуют в концепциях Мира. На заднем плане таких великих откровений, таких великих философий Мира, как Гита и Послания Св. Павла, мы противостоям руководству таких законов судьбы. Мы можем сказать: если мы взглянем на задний план Гиты и Посланий Св. Павла, мы можем видеть непосредственное руководство судьбой. Как можем мы проследить судьбу в Посланиях Св. Павла?

Мы часто найдем указанным в них, что истинное спасение развития Души состоит в так называемом "утверждении верой", в сравнении с никчемностью внешних действий; потому что в силу того, чем Душа может стать, если она совершит окончательное соединение с Импульсом Христа, когда она примет в себя великую силу, которая проистекает от должного понимания Воскрешения Христа. Когда мы встречаемся с этим в Посланиях Св. Павла, мы чувствуем с другой стороны, что человеческая Душа может, так сказать, быть отброшенной назад к себе и таким образом быть отдаленной от всех внешних действий и полагаться всецело на Милость и утверждение веры. Затем приходят внешние действия; они есть здесь в Мире; мы не уходим от них из-за того, что мы отворачиваемся от них; мы соединяем силы с ними в Мире. Снова судьба звучит к нам во всем своем гигантском величии. Только если мы смотрим на вещи таким образом, мы видим мощь таких откровений для человечества.

Теперь, эти два откровения человечеству Бхагавад Гита и Послания Св. Павла внешне очень различаются одно от другого; и такое внешнее различие действует на Душу в каждой части этих творений. Мы не только восхищаемся Бхагавад Гита

по причинам, которые мы кратко дали, но потому что она впечатляет нас как нечто настолько поэтическое и мощное; потому что от каждой строфы сияет к нам великое благородство человеческой Души; потому что во всем, произнесенном из уст Кришны и его ученика Арджуны, мы ощущаем нечто, что поднимает нас над каждодневным человеческим переживанием, над всеми страстями, над всем эмоциональным, что может беспокоить Душу. Мы переносимся в сферы Душевного мира, чистоты, покоя, бесстрастности, свободы от эмоции, в атмосферу мудрости, если мы позволяем даже одной части Гиты воздействовать на нас; и читая Гиту мы ощущаем всю нашу человечность, поднимающуюся на более высокий уровень. Мы ощущаем повсюду, что мы должны сначала освободить себя в большой мере от того, что является только слишком человеческим, если мы желаем позволить возвышенной Гите воздействовать на нас правильным образом. В случае с Посланиями Св. Павла все это является другим. Возвышенность поэтического языка отсутствует, даже бесстрастность отсутствует. Мы возьмем эти Послания Св. Павла и позволим им влиять на нас и мы ощутим снова и снова, как то, что доносится до нас из уст Св. Павла исходит от существа, страстно негодующим на то, что произошло. Иногда тон является порицательным или - можно сказать - обвиняющим; в Посланиях Св. Павла то или это часто проклинается; имеется порицание. Вещи, которые утверждаются как великие концепции Христианства, как Милость, Закон, различие между законом Моисея и Христианства, Воскрешение - все это утверждается в тоне, который предполагает быть философским, но то что предполагается быть философским определением, однако таковым не является, потому что в каждом предложении слышится нота Павлинизма. Мы не можем в любом предложении забыть, что оно высказывается человеком, который или взволнован или выражает справедливое возмущение против других, которые совершили то или это; или который так говорит о высших концепциях Христианства, что мы ощущаем, что он лично заинтересован; он дает впечатление, что он является пропагандистом этих идей. Мы не можем найти в Гите высказывания личного сорта таких, какие мы находим в Посланиях, в которых Св. Павел пишет тому или этому сообществу. Каким личным является все это! Дыхание личного проходит через Послания Св. Павла. В возвышенной Гите мы найдем великолепную чистую сферу - эфирную сферу - которая граничит со сверх-человеческим и временами простирается в нее. Внешне, следовательно, имеются сильные различия и мы можем сказать, что было бы слепым предрассудком не признавать, что через великую песню, однажды данную в Индуизме, течет единство мощных пророческих философий Мира, что через Гиту нечто благородной чистоты, полностью безличностное, спокойное и бесстрастное было дано Индуизму; в то время, как первоначальные документы Христианства - Послания Св. Павла - носят как бы полностью личностное, часто страстный, пылкий характер, нечто совершенно лишенное спокойствия. Знание не будет преобретено отворачиванием от истины и отказом принять такие вещи, но пониманием их верным образом. Давайте, следовательно, как бы, запечатаем этот антитезис на бронзовой табличке в течение последующих рассмотрений.

Мы уже указали во вчерашней лекции, что в Гите мы находим важные инструкции, данные Кришной Арджуне. Теперь, кто в точности есть Кришна? Этот вопрос должен быть превыше всего нашим интересом. Невозможно понять, кто есть Кришна, если не ознакомиться с точкой зрения, которую я уже, используя возможность, упоминал в различных местах; то есть, что в ранние века вся система давания имен и описаний была полностью отличной от того, что есть

теперь. По существу, теперь ни в малейшей степени не существенно, как назван человек. Ибо мы в действительности не узнаем многого о человеке в наше настоящее время узнавая то, что он носит то или иное хорошо известное имя, что он называется Миллер или Смит. Мы в действительности не узнаем многого о человеке - как каждый согласится - слыша, что он есть "личный советник" или нечто подобное. Мы совсем не обязательно узнаем многого о людях, потому что мы знаем, к какому социальному порядку они принадлежат. Мы не узнаем многого о человеке сегодня, потому что к нему должно обращаться как "ваша честь" или "ваше величество" или "мой господин"; короче, все эти титулы не значат многого и вы можете легко убедить себя, что другие обозначения, которые мы используем сегодня также не очень важны. В прошедшие века это было другим. Возьмем ли мы описание философии Санкхья или нашу собственную, мы можем начать с любой и сделать следующие замечания.

Мы слышали, что согласно философии Санкхья человек состоит из физического тела, тонкого элементарного или эфирного тела, тела, которое содержит регулярные силы чувств, тела, которое называется Манас, Ахамкара и так далее. Нам не нужно рассматривать другие, более высокие принципы, потому что они, как правило, еще не развиты; однако если мы теперь рассмотрим человеческие существа так, как мы видим их в этой или той инкарнации, мы можем сказать: Люди отличаются один от другого, так что в одном то, что выражается через эфирное тело является сильно преобладающим, а в другом то, что связано с законами, регулирующими чувства, в третьем то, что принадлежит внутренним чувствам, в четвертом Ахамкара. Или на нашем собственном языке, мы можем сказать, что мы находим одних людей, в которых силы чувственной, ощущающей Души особенно заметны; других, в которых силы интеллектуальной или рассудочной Души особенно активны; других, в которых силы сознательной Души преобладают и опять других, в которых нечто, инспирированное Манасом играет роль и так далее. Такие различия должны быть видимы во всей манере жизни, которую человек ведет. Они являются показателями истинной природы самого человека. Мы не можем в настоящее время, по причинам легко понятным, определить человека, согласно природе, которая таким образом выражает себя; ибо если кто-либо должен был бы, например, высказать на сегодняшний день человеческие убеждения так как они есть, что высшее, чего человек может достичь в настоящем Цикле человечества являлось бы отпечатком Ахамкары, каждый бы был убежден, что сам он выражает Ахамкару более ясно в своем собственном существе, чем другие люди; и это было бы убийственным для него, если бы ему сказали, что это не тот случай, что в нем все еще правят низшие принципы. В древние времена это не было так. Человек был тогда назван согласно тому, что было самым существенным в нем; особенно, когда это был вопрос постановки его над другими; наверняка, давая ему роль лидера, он был бы определен наличием особенно существенной части его существа, как было уже описано.

Давайте предположим, что в древние времена существовал человек, который, в самом истинном смысле слова, привел Манас к выражению в себе, который наверняка переживал Ахамкару, однако позволял ей как индивидуальному элементу оставаться больше на заднем плане и по счету своей внешней активности культивировал Манас; затем, согласно законам более древних, немногочисленных, человеческих кругов - и только полностью исключительные люди могли переживать их - такой человек должен был бы стать великим

законоведом, лидером больших масс людей. И было бы не удовлетворительным определять его тем же образом как других людей, но должно было бы назвать его по его выдающейся характеристике как носитель-Манаса; в то время, другой только мог быть назван как носитель-чувств. Говорилось бы: это есть носитель-Манаса, он есть Манас. Когда мы пересекаемся с определениями, принадлежащими тем древним временам, мы должны принимать их как такие описания самого выделяющегося принципа человеческой организации, который наиболее сильно выражал себя в нем в той особенной инкарнации. Предположим, что в особенном человеке, то что было наиболее особенно выражено, было тем, что он ощущал Божественную инспирацию в себе, что он отложил в сторону все вопросы регулирования своих действий и познаний посредством того, что внешний Мир учит через чувства и посредством того, что разум учит через мозг, но слушал вместо этого во всех вещах Божественное Слово, которое говорилось ему, и сделал себя вестником Божественной субстанции, которая говорила из него! Такой человек был бы назван Сыном Божиим. В Евангелии Св. Иоанна такие люди назывались Сынами Божиими, даже с самого начала первой части.

Существенной частью было то, что все остальное было оставлено без рассмотрения, когда такая значимая часть была выражена. Все остальное было неважным. Предположим мы должны были бы встретить двух человек; одного, который был обычным человеком, который позволял Миру воздействовать на него через его чувства и размышлял об этом впоследствии рассудком, связанным с его мозгом; другого, в котором излучалось Слово Божественной мудрости. Согласно древним идеям мы должны были бы сказать: Первый есть человек, он был рожден от отца и матери, был рожден плотью. В случае другого, который был вестником Божественной субстанции, никакого рассмотрения не уделялось бы тому, что составляет обычную биографию, как это был бы случай с первым, который созерцал Мир через свои чувства и посредством разума, принадлежащего его мозгу. Описывать биографию второго человека было бы глупостью. Ибо факт, что он носит плотское тело был бы только несущественной, а не существенной вещью; оно было, так сказать, только средством через которое он выражал себя для других людей. Следовательно мы скажем: Сын Божий рожден не от плоти, но от непорочности, девственности, он рожден непосредственно от Духа; другими словами, то что существенно в нем, через что он является ценным для человечества, снисходит от Духа, а в древние времена это было единственным, что почиталось. В определенных школах инициации, посвящения большим грехом рассматривалось бы то, чтобы описывать обычную биографию, которая только ссылалась на обычные события человека, о котором было распознано, что он был замечательным, вследствие высших принципов своей человеческой природы. Любой, кто сохранил даже немного чувства высших принципов тех древних времен не может не рассматривать таких биографий, какие написаны о Гете, как в высшей степени абсурдными. Теперь давайте вспомним, что в те древние времена человечество жило с идеями и чувствами проникнутыми убеждением, что такой человек, Ману, в котором Манас являлся преобладающим принципом, появляется однако редко, должно ждать долгие эпохи, прежде чем он может появиться.

Теперь, если вы подумаете о том, что может жить в человеке нашего настоящего Цикла человечества, как глубочайшая часть его существа, которую каждый человек может смутно ощущать как тайные силы в нем, которые могут поднять его к Душевным высотам; если мы подумаем о том, что у большинства людей

существует только в рудименте, в зачатке, становящимся в очень редком случае существенным принципом человеческого существа - существа, которое появляется только от времени до времени чтобы стать лидером других людей, которое выше, чем все Ману, который живет как эссенция в каждом человеке, но который как действительная внешняя личность появляется только однажды в Космическую эпоху; если мы можем сформировать такую концепцию этого, мы подходим ближе к существу Кришны. Он есть человек как целое; он есть - можно почти сказать - человечество как таковое, мыслимое как отдельное существо. Все же он не есть абстрактное существо. Когда люди сегодня говорят о человечестве в целом, они говорят о нем абстрактно, потому что они сами есть абстрактные мыслители. Абстрактное существо есть мы сами сегодня, пойманные как мы есть в чувственном Мире и это стало нашей общей судьбой. Когда некто говорит о человечестве в целом, он имеет только неясное восприятие, а не живую идею его. Те, кто говорят о Кришне, как о человеке в целом, не подразумевают абстрактную идею, которую некто имеет в своем уме сегодня. "Нет", говорят они, "истинно, такое Существо живет в зародыше в каждом человеке, однако оно появляется как индивидуальный человек и говорит устами человека только однажды в каждой Космической эпохе". Однако с таким Существом это не есть вопрос внешнего плотского тела, или более тонкого элементарного тела, или сил чувственных органов, или Ахамкары и Манаса, но главной вещью является то, что в Буддхи и Манасе непосредственно связано с великой универсальной Космической субстанцией, с Божественным, которое живет и пронизывает Мир.

От времени до времени для руководства человечества появляются Существа, такие, которых мы видим в Кришне, великом Учителе Арджуны. Кришна учит высшей человеческой мудрости, высшей человечности, и он учит этому так, как это является его собственной природой, а также таким образом, что это относится к каждому человеческому существу, ибо все, что содержится в словах Кришны должно быть найдено в зародыше в каждой человеческой Душе. Таким образом, когда человек взирает на Кришну, он взирает на свою собственную высшую самость, Я и также на другого, того кто появляется перед ним как другой человек, в котором он чтит то, кем он сам имеет предрасположенность стать, и все же кто является отдельным существом от него самого и имеет то же самое отношение к нему, как Бог к человеку. Таким образом должны мы мыслить об отношении Кришны к своему ученику Арджуне, и затем мы получим основной тон того, что звучит к нам от Гиты; такой основной тон, который звучит так, как если он принадлежит каждой Душе и может отзвучиваться в каждой Душе, который является всецело человеческим, так интимно человеческим, что каждая Душа, которая чувствует это, была бы пристыженной если бы она не ощущала в себе стремление прислушаться к великим учениям Кришны. С другой стороны, все это кажется таким спокойным, таким бесстрастным, таким возвышенным и мудрым, потому что говорит Высшее; потому что то, что есть Божественное в каждой человеческой природе и потому, что все же однажды появляется в эволюции человечества, воплощенное, как Божественное человеческое существо. Как возвышенны эти учения! Они действительно так возвышенны, что Гита справедливо носит название "Возвышенной Песни" или "Бхагавад Гита". В ней мы найдем прежде всего учения, о которых мы говорили во вчерашней лекции, возвышенные слова, возникающие из возвышенной ситуации; учение, что все, что изменяется в Мире, хотя это может изменяться таким образом, что возникновение и исчезновение, рождение и смерть, победа или поражение, возникают как внешние события, в которых во всех них выражается нечто непреходящее,

вечное, постоянно существующее; так что тот, кто должным образом желает размышлять о Мире, должен возвысить себя от преходящего к такому постоянству. Мы уже встречались с этим в Санкхья, в разумных размышлениях как о непреходящем во всем преходящем, о том, как обе побежденная и победившая Души равны перед Богом, когда дверь смерти закрывается за ними.

Затем Кришна дальше говорит своему ученику Арджуне, что Душа также может быть уведена от размышления о каждодневных вещах другим путем, то есть через Йогу. Если Душа способна на благоговейное почитание, приверженность, то это является другой стороной ее развития. Одной стороной является прохождение от одного феномена к другому и всегда направляя идеи, или освященные ясновидением или нет, к этим феноменам. Другая сторона есть та, в которой человек отвращает все внимание от внешнего Мира, закрывает все двери тому, что он может вспомнить, переживая в своей обычной жизни и входит в свое самое внутреннее существо. Посредством подходящих упражнений, он затем вытягивает то, что обитает в его собственной Душе; он направляет свою Душу к тому, что он может смутно чувствовать как Высшее, и силой благоговейного почитания пытается возвысить себя. Там, где это происходит, он поднимает себя выше и выше посредством Йоги, окончательно достигая высших стадий, которые могут быть достигнуты сначала использованием телесных инструментов; он достигает таких высших стадий, в которых мы живем, когда освобождены от телесных инструментов, когда, так сказать, мы живем вне тела, в высших принципах человеческой организации. Он таким образом поднимает себя в совершенно другую форму жизни. Феномены жизни и их деятельности становятся Духовными; он приближается все ближе и ближе к своему собственному Божественному существованию и увеличивает свое существо до Космического существа, увеличивает человеческое существо до Бога настолько, насколько он теряет индивидуальные ограничения своего собственного существа и погружается во Все через Йогу.

Методы, которыми ученик великого Кришны может поднять себя одним из этих путей к Духовным высотам даются затем. Прежде всего различие делается между тем, что люди должны делать в обычном Мире. Это действительно грандиозная ситуация, в которой Гита помещает это перед нами. Арджуна должен сражаться против своих кровных родственников. Это есть его внешняя судьба, его собственное деяние, его Карма, которая включает деяния, которые он должен прежде всего завершить в такой особенной ситуации. В этих деяниях он живет сначала как внешний человек; но великий Кришна учит его, что человек только тогда становится мудрым, только тогда объединяет себя с Божественным вечным, если он совершает свои дела потому, что они сами во внешнем течении природы и эволюции доказывают свою необходимость; и все же мудрый человек должен освободить себя от них. Он совершает деяния; однако в нем существует нечто, что в то же самое время является смотрящим на эти деяния, что не имеет своего участия в них, что говорит: Я выполняю работу, но я также равно могу сказать: Я позволяю ей совершаться. Мудрым становятся рассматриванием того, что совершается, как если бы это было сделано другим; и не позволяя себе быть обеспокоенным желанием, которое вызывает деяние или страданием, которое оно может произвести. "Это все равно", говорит великий Кришна своему ученику Арджуне, "находишься ли ты в рядах сыновей Панду или там среди сыновей Куру; что бы ты ни делал, ты должен, как мудрый человек освободить себя от Панду-изма и Куру-изма. Если это не воздействует на тебя, должен ли ты

действовать с Панду как один из них, или действовать с Куру как если бы ты был сыном Куру; если ты можешь поднять себя над всем этим и не быть подверженным воздействию твоих собственных дел, как пламя, которое горит спокойно в месте, защищенном от ветра, непобеспокоенное ничем внешним; если твоя Душа, так мало обеспокоенная своими собственными деяниями, живет спокойно наряду с ними, тогда она становится мудрой; тогда она освобождает себя от своих деяний и не вопрошает какой успех сопутствует им". Ибо результат наших деяний касается только узких ограничений нашей Души; однако если мы совершаем их вследствие человечности или течение дел Мира требует их от нас, тогда мы совершаем эти деяния независимо от того ведут ли они к ужасным или к прекрасным результатам для нас. Такое поднятие себя над собственными деяниями, такое стояние прямо независимо от того что наши руки могут натворить, даже - говоря о ситуации Гиты - что наши мечи могут натворить или что мы можем сказать нашими устами; такое стояние прямо нашим внутренним Я, независимо от всего, что мы говорим нашими устами и делаем нашими руками, это есть то, к чему великий Кришна направляет своего ученика Арджуну. Таким образом великий Кришна направляет своего ученика Арджуну к человеческому идеалу, который так представляется, что человек говорит: Я совершаю мои деяния, но не имеет значения совершаются ли они мной или другим - я смотрю на них; то, что совершается моими руками или говорится моими устами, я могу смотреть на это так же объективно, как если бы я видел камень, освобождающийся и скатывающийся с горы вниз в глубины. Так я стою в отношении моих деяний; и хотя я могу быть в состоянии знать то или это, формировать концепции Мира, я сам полностью отличен от этих концепций, и я могу сказать: Во мне обитает нечто, что, это истинно, объединено со мной и что воспринимает, но я смотрю на то, что это другое нечто воспринимает. Таким образом я сам свободен от моих восприятий. Я могу стать свободным от моих деяний, свободным от моего знания и свободным от моих восприятий. Высокая идея человеческой мудрости таким образом помещена перед нами! И в конце концов, когда это нечто поднимается в Духовное, встречаю ли я демонов или святых Духов, я могу смотреть на них внешне. Я сам стою здесь, свободный от всего, что происходит, даже в Духовных мирах вокруг меня. Я смотрю и иду моим собственным путем, и не участвую в том, в чем я принимаю участие, потому что я стал смотрящим. Это есть учение Кришны.

Теперь, услышав, что учение Кришны основано на философии Санкхья, будет совершенно ясно для нас, что это должно быть так. Во многих местах можно видеть его сияющим через учение Кришны; когда Кришна говорит своему ученику: Душа, которая живет в тебе связана несколькими различными способами; она связана с грубым физическим телом, она связана с чувствами, с Манасом, Ахамкарой, Буддхи; но ты отличен от всех их. Если ты рассмотришь всех их как внешние, как оболочки окружающие тебя, если ты осознаешь, что как Душевное существо ты независим от всех их, тогда ты понял нечто, чему Кришна желал научить тебя. Если ты осознаешь, что твои связи с внешним Миром, с Миром в целом, были даны тебе через Гуны, через Тамас, Раджас и Саттву, тогда ты узнаешь, что в обычной жизни человек связан с мудростью и добродетелью через Саттву, со страстями и влечениями, с жадной существованием через Раджас, а через Тамас он связан с ленью, небрежностью и сонливостью. Почему человек в обычной жизни чувствует энтузиазм к мудрости и добродетели? Потому что он имеет отношение к базовой природе, характеризуемой Саттвой. Почему человек в обычной жизни чувствует радость и стремление ко внешней жизни, чувствует

удовольствие во внешних феноменах жизни? Потому что он имеет отношение к жизни, определяемое через Раджас. Почему люди идут через обычную жизнь сонно, лениво и неактивно? Почему они чувствуют угнетенными своей телесностью? Почему они не находят возможным непрерывно поднимать себя и побеждать свою телесную природу? Потому что они связаны с Миром внешних форм, который в философии Санкхья выражен через Тамас. Однако Душа мудрого человека должна стать свободным от Тамаса, должна оборвать свою связь с внешним Миром, выраженной сонливостью, ленностью и неактивностью. Когда таковые удалены от Души, тогда она только связана с внешним Миром через Раджас и Саттву. Когда человек уничтожил свои страсти и влечения и жажду существования, сохраняя энтузиазм для добродетели, сострадания и знания, его связь с внешним Миром впредь является тем, что философия Санкхья называет Саттва. Однако когда человек также стал освобожденным от такой тенденции к добродетели и знанию, когда, хотя и как добродетельный и мудрый человек, он является независимым от своего внешнего выражения даже в отношении добродетели и знания; когда добродетель есть естественный долг, а мудрость как нечто изливающееся на него, тогда он прекратил свою связь с Саттвой. Когда, однако, он таким образом снял с себя три Гуны, тогда он освободил себя от всех связей с каждой внешней формой, тогда он триумфирует в своей Душе и понимает нечто, что великий Кришна желал сделать из него.

Что тогда постигает человек, когда он стремится стать тем, что великий Кришна удерживает перед ним как идеал - что он тогда понимает? Понимает он тогда более ясно формы внешнего Мира? Нет, он уже понял их; однако он поднял себя над ними. Постигает он более ясно отношение Души к таким внешним формам? Нет, он уже постиг это, однако он поднял себя над этим. Это не есть то, что он может встретить во внешнем Мире, Мире многочисленности форм или свою связь с этими формами, которую он теперь понимает, когда он сбрасывает три Гуны; ибо все это принадлежит более ранним стадиям. Пока некто остается в Тамасе, Раджасе или Саттве, он становится связанным с природными рудиментами бытия, адаптирует себя к социальным взаимоотношениям и к знанию, и приобретает качества добродетели и симпатии. Но если некто поднялся над всем этим, он сбросил все эти взаимоотношения на предыдущих стадиях. Что воспринимает тогда некто, что возникает перед его глазами? То, что некто воспринимает и что возникает перед ним не есть все это. Чем может быть то, что отличается от всего, чего некто достигает на пути Гун?

Это есть ни что иное как то, что некто окончательно распознает как свое собственное существо, ибо все остальное, что может принадлежать внешнему Миру было сброшено прочь на предыдущих стадиях. В вышеупомянутом смысле, что есть это? Это есть сам Кришна; ибо он сам есть выражение того, что есть высшего в себе. Это означает, что когда некто проработал себя до высшего, он есть лицом к лицу с Кришной, ученик со своим великим Учителем, Арджуна с самим Кришной, который обитает во всех вещах, что существуют и который может истинно сказать о себе: "Я не есть одинокая гора, если я есть среди гор, я есть наибольшая из всех их; если я появляюсь на Земле, я не есть отдельный человек, но величайшая человеческая манифестация, такая, которая появляется однажды в Космическую эпоху как лидер человечества и так далее; Единство во всех формах, это есть Я, Кришна". - Таким образом сам учитель является своему ученику, присутствующим в своем собственном Существо. В то же самое время делается ясным в Бхагавад Гита, что это есть нечто величественное и

могущественное, высшее, чего человек может достичь. Чтобы появиться перед Кришной, как это сделал Арджуна, может произойти через постепенные стадии инициации, посвящения; это произошло бы тогда в глубинах обучения Йоги; однако это могло бы быть также представлено как струящееся из самой эволюции человечества, данное человеку, как бы, как деяние Милости, и таким образом представленное в Гите. Арджуна был поднят вдруг, как бы, прыжком, так что телесно он имел Кришну перед собой; и Гита ведет к определенной точке, точке в которой Кришна стоял перед ним. Он не стоит теперь перед ним как человек из плоти и крови. Человек, который может быть рассматриваем как другие люди, представляет то, что является несущественным в Кришне. Ибо то является существенным, что есть во всех людях; однако так же, как другие царства Мира представляют, как бы, только разрозненное человечество, так же все, что есть в остальном Мире, есть в Кришне. Остальной Мир исчезает и Кришна есть здесь как Одно. Как Макрокосмос к Микрокосмосу, как человечество, как целое, сравнимое с маленьким каждодневным человеком, так же есть Кришна к индивидуальному человеку.

Человеческая сила понимания не достаточна для того, чтобы осознать это, если сознание этого должно прийти к человеку деянием Милости, ибо Кришна, если смотреть на существенное в нем - что только возможно для высшей ясновидческой силы - появляется полностью отличным от всего, что привык видеть человек. Как если бы видение человека было поднято над всем остальным чтобы воспринять видение Кришны в его высшей природе, мы схватили бы видение его на один момент в Гите, как великого Человека, в сравнении с кем все остальное в Мире должно появиться малым; это есть Он, перед кем стоит Арджуна. Затем сила понимания покидает Арджуну. Он может только смотреть и сбивчиво выражать, что он наблюдает. Это должно быть понято; ибо посредством методов, которые он использовал до сих пор, он не был научен взирать на такое как это или описывать это в словах; и описания, которые Арджуна дает в тот момент, когда он стоит перед Кришной, должны мыслиться таким образом. Ибо одним из самых величайших артистичных и философских изложений когда-либо данных человечеству есть описание того, как Арджуна со словами, которые он говорит впервые, которые он не привык говорить, которые он никогда не говорил прежде, потому что он никогда не имел доступа к ним прежде, выражает в словах, вытянутых из глубочайших частей своего существа то, что он чувствует видя великого Кришну: "Всех Богов я воспринимаю в Твоем теле, о Бог, как также и многочисленность всех существ. Брам, Господа Бога на Своем Лотос-троне, всех Риши, и Небесного Змея. С многочисленными руками, телами, ртами и глазами, я вижу Тебя везде, в неисчислимых формах без конца, середины или начала, я вижу Тебя, о Господь Бог всего! Ты являешься мне во всех формах, Ты являешься мне с диадемой, палицей, мечом, как пылающая гора, сияющая во все стороны, так я вижу Тебя. Мое видение ослеплено, как сияющим огнем блеска Солнца и неизмеримо велико. Непреходящий, Наивысший который только может быть узнан, Величайшая Добродетель; так являешься Ты мне в огромной Вселенной. Вечный Страж Вечной Справедливости есть Ты, Ты стоишь перед моей Душой как Вечный Изначальный Дух. Ты являешься мне ни начала, ни середины и ни конца. Ты вечен всюду, бесконечный в силе, бесконечный в расстояниях Пространства. Твои глаза так велики как Луна, да, так велики как само Солнце, и из Твоего рта сияет жертвенный огонь. Я созерцаю Тебя в Твоем сиянии и я воспринимаю как Твое сияние согревает Вселенную, которую я смутно ощущаю между основанием Земли и широтой Небес, все это заполнено Твоей силой. Я

один с Тобой, и тот Мир в Небесах где обитают три Мира, есть также в Тебе, когда Твоя чудесная, устрашающая Фигура представляет Себя моему взору. Я вижу всю многочисленность Богов идущих к Тебе, воспевающих хвалу Тебе, и я стою здесь уstraшенный, со сложенными руками. Все сонмы Видящих называют Тебя блаженным, и также множества Святых. Они восхваляют Тебя во всех своих гимнах. Адитайа (Aditayas), Рудры (Rudras), Васы (Vasus), Садкайа (Sadkayas), Висвы (Visvas), Асвины (Aswins), Маруты (Maruts), Ушмапы (Ushmapas), Гхандаксы (Ghandaxvas), Йакши (Yakshas), Сиддхи (Siddhas), Асуры (Asuras) и все Святые восхваляют Тебя; они взирают на Тебя преисполненные благоговением; такая гигантская форма со столь многими ртами, руками, ногами, стопами; со столь многими глотками наполненными зубами; весь Мир трепещет перед Тобой и я трепещу также. Небеса-рассеивающий, сияющий, много-рукий Единый, со ртом, действующим, как если бы это были огненные глаза, так я вижу Тебя. Моя Душа трепещет. Я не могу найти защиту и покой, о великий Кришна, Кто для меня есть Сам Вишну. Я взираю в Твое грозное наивнутреннейшее Существо, я созерцаю Его как во огне, я вижу как Оно действует, как действует бытие, которое есть конец всех времен. Я взираю на Тебя так, что я не знаю ничего и ни о чем бы то ни было. О Ты, будь милосерден ко мне, Господь Бог Богов, Ты Дом, в котором Миры обитают". Он поворачивается к сыновьям расы Куру и указывает на них: "Эти сыновья Куру, все собрались здесь вместе, это множество царственных героев, Бхишма и Дрона, вместе с нашими собственными лучшими воинами, все они распростерты в молитве перед Тобой, восхищающиеся Твоей чудесной красотой. Мне не удастся познать Тебя, Твое Изначальное Начало бытия. Я не могу понять то, что является мне, что открывает себя мне". Так говорит Арджуна, когда он есть наедине с Тем, Кто есть его собственное существо, когда это Существо объективно является ему. Здесь мы противостоям великой Космической Тайне, Мистерии, мистической не только в отношении своего теоретического содержания, но в отношении всепоглощающих ощущений, которые мы должны вызвать внутри нас, если мы должны быть способны верно понять ее. Она является мистической, такой мистической, что она должна провозглашаться каждому человеческому восприятию другим путем, отличным от всего, когда-либо провозглашаемому в Мире прежде.

Когда Кришна заставил прозвучать в ушах Арджуны то, что он затем сказал, это прозвучало так: "Я есть Время, которое уничтожает все Миры. Я явился, чтобы увести людей прочь, и даже если ты принесешь смерть им в сражении, все же все эти воины, стоящие в шеренге умерли бы даже без тебя. Восстань, следовательно бесстрашно. Ты приобретешь славу и победишь врага, возликуй о грядущей победе и власти. Ты не убиваешь их, когда падают мертвыми в сражении; они уже убиты Мной, прежде чем ты можешь принести смерть им. Ты есть только инструмент, ты сражаешься руками. Дроны (Dronas), Джайаданы (Jayadanas), Бхишмы (Bhishmas), Карны (Karnas) и другие воинствующие герои, которых я уже убил, которые уже мертвы - теперь ты убиваешь их, чтобы мои действия могли явиться внешне, когда они падают мертвые в Майе; тех, которых я уже убил, убей их ты. Не трепещи! Ты не способен сделать что-либо, что я уже не сделал. Сражайся! Те, которых я уже убил, падут от твоего меча". Мы знаем, что все переданное путем инструкций сынам Панду через Кришну Арджуне, излагается как будучи рассказанным возничим колесницы Дритараштре (Dritarashtra). Поэт не излагает: "Так сказал Кришна Арджуне", поэт повествует нам, что Сандшайа (Sandshaya), возничий колесницы Дритараштры, рассказывает своему слепому герою, царю народа Куру. После того, как Сандшайа, рассказал

все это, он затем говорит дальше: "И когда Арджуна получил такие слова от Кришны, благоговейно со сложенными руками, трепеща, стеной от страха и глубоко склоняясь, он ответил Кришне: По праву Мир радуется в Твоей славе, и преисполнен благоговением перед Тобой. Раджасы (таковые есть Духи) безумно разбегаются во всех направлениях. Святое Воинство все склоняются перед Тобой. По какой причине они не должны бы склоняться перед Первым Творцом, Кто даже есть выше чем Брама?". Истинно, мы противостоям великой Космической Мистерии; ибо что говорит Арджуна, когда он видит свою собственную самость-Я перед собой в телесной форме? Он обращается к этому своему собственному существу как если бы оно являлось ему выше, чем Сам Брама. Мы находимся лицом к лицу с Мистерией. Ибо когда человек таким образом обращается к своему собственному существу, такие слова должны быть поняты так, что никакое чувство, никакое восприятие, никакая идея, никакая мысль используемые в обычной жизни не должны быть привнесены для того, чтобы выразить понимание. Ничто не может ввести человека в большую опасность, чем привнести такие чувства, которые он мог бы в противном иметь в жизни, чтобы выразить такие слова Арджуны. Если бы он должен был бы привнести любое из таких чувств каждодневной жизни, чтобы передать то, что он таким образом выражает, если это не было бы чем-то совершенно уникальным, если бы он не осознавал бы это как величайшую Космическую Мистирию, тогда безумие и сумасшествие были бы наименьшими в сравнении с болезнью, в которую он впал бы привнеся обычные чувства, чтобы выразить Кришну, другим словами выразить свое собственное существо. "Ты, Господь Бог Богов, Ты есть Бесконечный, Ты есть Вечно-Пребывающий, Ты есть Наивысший, Ты есть оба Сущий и Не-Сущий, Ты есть величайший из Богов, Ты есть древнейший из Богов, Ты есть величайшее сокровище всей Вселенной, Ты есть тот, Кто знает и Ты есть Высшее Сознание. Ты охватываешь всю Вселенную, в Тебе есть все формы, которые только могут существовать, Ты есть Ветер, Ты есть Огонь, Ты есть Смерть, Ты есть вечно движущееся Космическое Море, Ты есть Луна, Ты есть высший из Богов, само Имя, Ты есть Прародитель высших из Богов. Благоговение должно быть Твоим, в тысячи и тысячи раз большим и гораздо большим чем все такое благоговение надлежащее Тебе. Благоговение должно приходить к Тебе со всех Твоих сторон, Ты есть все, чем человек только может стать. Ты преисполнен силы, как совокупность всех сил единственно может быть, Ты совершенствуешь все вещи и Ты в то же самое время Сам есть все. Когда я неперпелив и выбираю Тебя стать моим другом, я называю Тебя Кришна, называю Тебя Йива (Yīva), Друг; неосведомленный о Твоем чудесном величии, недумая и доверчиво, так я называю Тебя и если в своей слабости я не почитаю Тебя должно, если я не должно почитаю Тебя в Твоих движениях или в Твоем покое, в высшем Божественном или в каждодневной жизни, или когда Ты один или объединен с другими Существами, если во всем этом я не почитаю Тебя должно, тогда я молно прощения Твою Неизмеримость. Ты Отец Мира, Ты Кто движет Мир в котором Ты движешься, Ты Кто больше чем все другие учителя, Кому ничто не подобно, Кто выше всего, с Кем ничто в трех Мирах не может быть сравнимо; простираясь перед Тобой я ищу Твою Милость, Ты Господь Бог Кто проявляет Себя во всех Мирах. В Тебе я смотрю на То, что никогда не может быть видимо, я трепещу перед Тобой в благоговении. Яви Себя мне как Ты есть, о Бог! Будь Милостив, Ты Господь Бог Богов, Ты Изначальный Источник всех Миров!".

Истинно, мы противостоям Мистерии, когда человеческое существо говорит так человеческому существу. И Кришна снова говорит своему ученику: "Я открыл

Себя тебе в Милости, Мое высшее Существо стоит перед тобой, посредством Моей всемогущей силы и как бы по волшебству Оно есть перед тобой, сияющее, неизмеримое, без начала. Так, как ты теперь созерцаешь Меня, ни один человек прежде никогда не созерцал Меня. Так, как ты созерцаешь Меня теперь, посредством сил, которые Милостью были даны тебе, Я никогда прежде не был явлен, даже через то, что написано в Ведах, так Я никогда не был достижим посредством жертв. Ни возлиянием Богам, ни изучением, ни каким-либо церемониалом никогда не достигали Меня, никакое ужасающее искупление не может привести к тому, чтобы созерцать Меня в Моей форме, как Я есть теперь, как ты теперь созерцаешь Меня в человеческой форме, ты великий герой. Но страх не должен приходить к тебе или смущение при виде Моей ужасающей формы. Свободный от страха, преисполненный высокими мыслями ты будешь снова созерцать Меня, даже так, как Я теперь известен тебе в Моей настоящей форме". Затем Сандшайа повествует далее слепому Дринаташтра: Когда Кришна так сказал Арджуне, Неизмеримый Единый - без начала и без конца, возвышающийся над всей силой - исчез, а Кришна показал Себя снова в своей человеческой форме как если бы он желал своей дружелюбной формой заверить его, который был так испуган. И Арджуна сказал: "Теперь я вижу Тебя еще раз передо мной в Твоей человеческой форме, теперь знание и сознание возвращаются ко мне и я есть снова сам такой, каким я был". А Кришна сказал: "Форма, которую было так трудно для тебя созерцать, в которой ты только что видел Меня, это есть форма, к лицемерию которой даже Боги беспрестанно стремятся. Веды не указывают Мою форму, она не достигается ни покаянием, ни благотворительностью, ни жертвой, ни каким-либо ритуалом. Ни одним из них не могу Я быть видим в форме, в которой ты только что видел Меня. Только тот, кто знает, как идти по пути к свободе, свободный от всех Вед, свободный от всех покаяний, свободный от всех благотворительностей и жертв, свободный от всех церемониалов, удерживая свои глаза благоговейно фиксированные только на Мне одном, только такой может достичь Меня в такой форме, только он может распознать Меня так и может также стать полностью одним со Мной. Любой ведущий себя так, как Я вложил это в его ум вести себя, любой любящий и почитающий Меня, любой не заботящийся о Мире и для кого все существа достойны любви, он приходит ко Мне, о ты, Мой сын расы Панду".

Мы противостоям Космической Мистерии, о которой Гита рассказывает нам, что она была дана человечеству в самый значительный Космический час, когда древнее ясновидение, которое было связано с кровью, прекращается, а человеческие Души должны искать новые пути к вечному, к непреходящему. Таким образом эта Мистерия приведена к нашему вниманию так, что мы можем в то же самое время осознать посредством ее презентации все, что может стать опасным для человека, когда он способен видеть свое собственное существо, приведенное к рождению из себя. Если мы осознаем эту самую глубочайшую из человеческих и Космических Мистерий - которая говорит о нашем собственном существовании посредством истинного само-познания - тогда мы имеем перед нами самую величайшую Космическую Мистерию в Мире. Однако мы можем только тогда расположить ее перед нами, если мы способны почитать ее во всей смирности, скромности. Никакой силы понимания не будет достаточно, ничто не позволит нам приблизиться к такой Космической Мистерии; ибо необходимо корректное чувство. Никто не должен приближаться к Космической Мистерии, которая говорит из Гиты, кто не может приблизиться к ней почтительно. Только когда мы можем чувствовать таким образом, мы полностью осознали ее. То, как

начиная с этой точки зрения можно в Гите взглянуть на определенную стадию человеческой эволюции и как, просто посредством того, что показано нам в Гите, свет может быть брошен на то, что мы встречаем другим путем в Посланиях Св. Павла - это есть то, что должно занимать нас в курсе этих лекций.

Лекция IV. Кологна, 31 Декабря 1912

Как Импульс Христа замещает Импульс Кришны.

В начале вчерашней лекции я указал как различны впечатления полученные Душой когда, с одной стороны она позволяет хорошо-сбалансированной, спокойной, бесстрастной, незмоциональной, истинно мудрой природе Бхагавад Гита воздействовать на нее, а с другой стороны тому, что содержится в Посланиях Св. Павла. Во многих отношениях таковые дают впечатление будучи проникнутыми личными эмоциями, личными взглядами и точками зрения, проникнутыми определенным, для целой коллективной эволюции человека на Земле, агитирующим чувством пропагандизма; они являются даже холерическими, иногда бурными. Если мы позволим манере, в которой Духовное содержание обоих выражено воздействовать на нас, мы имеем в Гите нечто такое совершенное, выраженное таким прекрасным, артистически завершенным образом, что нельзя хорошо представить еще большее совершенство выражения, проявленное поэтически и к тому же так философски. В Посланиях Св. Павла, с другой стороны, мы часто обнаружим то, что можно назвать неловкостью выражения, так что учитывая что это иногда приближается к неуклюжести, чрезвычайно трудно выделить их глубокое значение. Однако это все же истинно, что то, что относится к Христианству в Посланиях Св. Павла является основным принципом для его развития, также как и единство концепций Мира Востока является основным принципом Гиты. В Посланиях Св. Павла мы найдем такие значимые базовые истины Христианства как Воскрешение, значимости того, что называется Верой в сравнении с Законом, влияния Милости, жизни Христа в Душе или в человеческом сознании, и много других вещей; мы находим все это представленным таким образом, что любое представление Христианства должно всегда базироваться на этих Посланиях Св. Павла. Все в них относится к Христианству, как все в Гите относится к великим истинам освобождения себя от деяний, освобождения себя от непосредственной жизни действия для того, чтобы посвятить себя созерцанию, медитации Души, восходящему проникновению Души в Духовные высоты, очищению Души; короче, согласно смыслу Гиты, единению с Кришной. Все это, описанное только что, делает сравнение этих двух Духовных откровений чрезвычайно трудным, и любой, кто только делает внешнее сравнение несомненно будет вынужден поместить Бхагавад Гиту в ее чистоте, покое и мудрости выше, чем Послания Св. Павла. Но кто есть эта личность, которая делает такое внешнее сравнение? Он подобен человеку, который имеет перед собой полностью развитое растение с прекрасным цветением и рядом с ним семя растения; возможно было бы сказать: "Когда я смотрю на растение с его прекрасным полностью развитым цветением, я вижу, что оно гораздо более прекрасно, чем незначительное, невзрачное семя". Все же возможно, что из этого семени, расположенным рядом с растением с прекрасным цветением, вырастит еще более прекрасное растение однажды. Это не является должным сравнением, сравнивать такие две вещи обнаруженные рядом друг с другом, как такое полностью развитое растение и полностью неразвитое семя; и так это есть, если

сравнивают Бхагавад Гиту с Посланиями Св. Павла. В Бхагавад Гите мы имеем перед нами нечто подобное самому зрелому плоду, самое чудесное и прекрасное представление долгой человеческой эволюции, который вырос в течение тысяч лет, а в Посланиях Св. Павла мы имеем перед нами зародыш чего-то совершенно нового, что должно вырастать все более и более великим и что мы можем осознать во всем его полном значении, если мы посмотрим на него как на зародышное и удержим пророчески перед нами то, чем оно однажды станет, когда тысячи и тысячи лет эволюции протекут в будущем, а то, что посажено как зародыш в Посланиях Св. Павла будет становиться все более и более зрелым. Только если мы удерживаем это в уме, мы можем сделать должное сравнение. Тогда станет также ясным, что то, что однажды должно стать великим и что сначала должно быть найдено в невидимой форме в глубинах Христианства, в Посланиях Св. Павла, должно было однажды излиться в хаотичной манере из человеческой Души. Такие вещи должны быть представлены отличным способом тем, кто рассматривает значение, с одной стороны, Бхагавад Гиты, а с другой стороны Посланий Св. Павла для коллективной эволюции человека на Земле, от способа, которым они могли бы быть изображены другим человеком, который может только судить завершённые творения касательно их красоты и мудрости и внутреннего совершенства формы.

Если мы желаем сделать сравнение между различными точками зрения, которые появляются в Бхагавад Гите и Посланиях Св. Павла, мы должны сначала спросить: Что является главным пунктом в вопросе? Пунктом является то, что во всем, что мы способны исследовать исторически о двух точках зрения жизни, то что занимает нас есть втягивание "Эго" вниз в эволюцию человечества. Если мы проследим Эго через эволюцию человечества, мы можем сказать, что в до-Христианские времена, оно было еще как бы укорененным в запечатанных глубинах Души, оно еще не приобрело возможности развития себя. Развитие индивидуального характера стало возможным только тогда, когда в это Эго был как бы брошен импульс, который мы описываем как Импульс Христа. Такой, который начиная с Мистерии Голгофы мог находиться в человеческом Эго и который выражается в словах Св. Павла: "Не я, но Христос во мне", который прежде не был в Эго. Однако в те века, когда уже имелось приближение к Импульсу Христа - в последние тысячу лет до Мистерии Голгофы - то, что должно было наступить через введение Импульса Христа в человеческую Душу, было медленно подготовлено, в частности таким путем как тот, который выражен в деянии Кришны. То, что после Мистерии Голгофы человек должен был искать как Импульс Христа в себе в смысле Св. Павла: "Не я, но Христос во мне", то, что он должен был до Мистерии Голгофы искать во вне, он должен был искать приходящим к нему как откровение с Космических далей. Чем дальше мы возвращаемся назад к векам, тем более великолепным, импульсивным было откровение извне. Мы могли бы следовательно сказать: Во времена до Мистерии Голгофы определенное откровение приходило к человечеству подобно Солнечному свету, освещающему объект извне. Так же, как свет падает на такой объект, так же падает свет от Духовного Солнца на Душу человека и освещает ее. После Мистерии Голгофы мы можем говорить о том, что действует в Душе как Импульс Христа, как Духовный Солнечный свет, как если мы видим само-освещенное тело перед нами, излучающее свой свет изнутри. Если мы посмотрим на это таким образом, факт Мистерии Голгофы становится значимой граничащей линией в человеческой эволюции. Мы можем представить всю взаимосвязь

символически.

Если мы возьмем такой круг (Диаграмма 1) как представляющий человеческую Душу, мы можем сказать, что Духовный свет струится извне со всех сторон в эту человеческую Душу. Затем наступает Мистерия Голгофы, после которой Душа обладает Импульсом Христа в себе и излучает наружу все, что содержится в Импульсе Христа (Диаграмма 2). Так же как капля, которая освещена со всех сторон излучает и отражает такое освещение, такой же Душа является до Импульса Христа. Как пламя, которое сияет внутри и излучает свой свет наружу, такой же Душа является после Мистерии Голгофы, если она была способна получить Импульс Христа.

Удерживая это в уме мы можем выразить все целое взаимоотношение посредством терминов, с которыми мы ознакомились в философии Санкхья. Мы можем сказать: Если мы направляем наше Духовное око на Душу, которая до Мистерии Голгофы облучается со всех сторон светом Духа, и мы видим всю взаимосвязь такого Духа, который изливается на Душу со всех сторон, излучая к нам в своей Духовности, все затем явится нам в том, что в философия Санкхья описывает как состояние Саттва. С другой стороны если мы созерцаем Душу после того, как Мистерия Голгофы была совершена, рассматривая ее как бы извне Духовным оком, то кажется что как если Духовный свет был спрятан в своих наивнутреннейших глубинах и как если бы Душевная природа скрывала его. Духовный свет является нам как если завуалированный Душевной субстанцией, тот Духовный свет, который начиная с Мистерии Голгофы содержится в Импульсе Христа. Не воспринимаем ли мы это подлинным вплоть до нашего времени, действительно особенно в наш век, в отношении всего, что человек переживает внешне? Рассмотрите человека сегодня, то чем он должен занимать себя в отношении своего внешнего познания и своей деятельности; и попытайтесь сравнить с тем, как Импульс Христа живет в человеке, как если сокрытый в его наивнутреннейшем существе, подобно крошечному слабому пламени, завуалированному остальным Душевым содержанием. Это является Тамасом в сравнении с до-Христианским состоянием, которое в отношении Души и Духа было состоянием Саттвы. Какую роль, следовательно, в этом смысле Мистерия Голгофы играет в эволюции человечества? Что касается откровения Духа, она трансформирует состояние Саттва в состояние Тамас. Посредством этого человечество продвигается вперед, однако проходит, можно сказать, через глубокий упадок не через Мистерию Голгофы, но через себя. Мистерия Голгофы вынуждает пламя вырастать все больше и больше, но причина по которой пламя возникает в Душе, даже если только и очень маленьким - в то время как прежде могущественный свет вливался в нее со всех сторон - есть та, что прогрессирующая человеческая природа погружается все глубже и глубже во тьму. Следовательно это не есть вина Мистерии Голгофы, что человеческая Душа в отношении Духа находится в состоянии Тамаса, ибо Мистерия Голгофы должна принести то, что должно вызвать в отдаленном будущем такой переход, что из состояния Тамаса снова появится состояние Саттвы, которое затем снова будет воспламенено изнутри. Между состоянием Саттва и состоянием Тамас существует, согласно философии Санкхья, состояние Раджас; и оно описывается как будучи тем временем в человеческой эволюции, на которое выпадает Мистерия Голгофы. Само человечество в отношении манифестации Духа шло по пути от света во тьму, от состояния Саттва в состояние Тамас, как и в течение

тысячи лет, которая окружала Мистерию Голгофы.

Если мы посмотрим более близко в эту эволюцию, мы можем сказать: Если мы возьмем линию А-Б, как время эволюции человечества вплоть до восьмого или седьмого века до Мистерии Голгофы, то вся человеческая цивилизация была тогда в состоянии Саттва.

Седьмой век до Р.Х. Пятнадцатый, шестнадцатый век после Р.Х.

А-----Х-----Х-----Б

Халдейско-Египетский Греко-Латинский период Наш собственный век

Затем начался век, в котором совершилась Мистерия Голгофы, за которой последовал наш собственный век около пятнадцатого или шестнадцатого столетия после Мистерии Голгофы. Далее вполне определенно начинается век Тамаса, но это есть период перехода. Если мы желаем использовать наши обычные обозначения, мы имеем первый век - который в смысле отношения определенных Духовных откровений, все еще принадлежит состоянию Саттва - происходящим в тот же самый период, который мы называем Халдейско-Египетским, то что является состоянием Раджаса есть Греко-Латинский период, а то что находится в состоянии Тамаса есть наш собственный век. Мы знаем также, что то что называется Халдейско-Египетским периодом есть третий после-Атлантический период, Греко-Латинский период есть четвертый, а наш собственный период есть пятый. Можно сказать, это было следовательно необходимо в соответствии с планом эволюции человечества, что между третьим и четвертым после-Атлантический периодом должно было произойти, как бы, умирание внешнего откровения. Как было человечество действительно подготовлено к вспышке Импульса Христа? Как действительно произошло приготовление?

Если мы хотим сделать совершенно ясным себе различие между Духовными состояниями человечества в третьем периоде - Халдейско-Египетском - и следующими эпохами, мы должны сказать: В этом третьем периоде во всех странах как в Египте, так и в Халдее, а также в Индии все еще существовали остатки древней ясновидческой силы; другими словами человек не только видел Миры вокруг него при помощи его чувств и понимания, связанным с мозгом, но он мог также все еще видеть окружающий Мир органами своего эфирного тела, в любом случае в определенных состояниях, между сном и бодрствованием. Если мы желаем представить себе человека той эпохи, мы можем это сделать только сказав: Для тех людей восприятие природы и Мира, такое как мы имеем через наши чувства и понимание связанное с мозгом, было только одним из состояний, которые они переживали. В таких состояниях они не приобретали еще знания, но только как бы взирали на вещи и позволяли им действовать, бок о бок в Пространстве и одна за другой во Времени. Если такие люди желали приобрести знания, они должны были войти в состояние, не производимое искусственно как в наше время, но происходящее естественно, как бы само, в котором их глубоко лежащие силы, силы их эфирных тел действовали для производства знания. Из такого знания произошло все, что явилось как прекрасное знание философии Санкхья; из такого созерцания также произошло все, что дошло до нас в Ведах - хотя таковое принадлежит еще более раннему периоду. Таким образом человек

того времени приобретал знание вводя себя или позволяя себе быть введенным в другое состояние. Он имел так сказать свое обычное состояние в котором он видел глазами, слушал ушами и следовал за вещами своим обычным пониманием; однако он использовал такое видение, слышание и понимание занимаясь внешней практической деятельностью. Никогда не случалось, чтобы использовать эти способности для приобретения знания. Для того, чтобы приобрести знание и восприятие он использовал то, что приходило к нему в том, другом состоянии, в котором он вводил в действие глубочайшие силы своего существа.

Мы можем, следовательно, думать о человеке в те древние времена как имеющим, так сказать, свое каждодневное тело, а внутри такого каждодневного тела свое более тонкое Духовное тело, свое воскресное тело, если можно использовать такое сравнение. Своим каждодневным телом он выполнял свою каждодневную работу, а своим воскресным телом - которое было соткано только эфирным телом - он воспринимал и совершенствовал свою науку. Было бы оправдано сказать, что человек того древнего времени был бы поражен, что мы сегодня высекаем наше знание посредством нашего каждодневного тела и никогда не одеваемся в наше воскресное тело чтобы познать что-нибудь о Мире. Как такой человек переживал все эти состояния? Переживание было таким, что когда человек воспринимал посредством своих глубоких сил, когда он был в состоянии восприятия в котором, например, он изучал философию Санкхья, он тогда не чувствовал так, как человек сегодня, который, когда он желает приобрести знание должен напрягать свой рассудок и думать своей головой. Когда он приобретал знание, он чувствовал себя в своем эфирном теле, которое было тогда развито наименьшим образом в том, что сегодня есть физическая голова, но было более развито в других частях; человек мыслил значительно больше посредством других частей своего эфирного тела. Эфирное тело головы была его наименьшей совершенной частью. Человек чувствовал, так сказать, что он мыслит эфирным телом; он чувствовал себя мысля выдвинутым, возвышенным из физического тела; однако в такие моменты познания, креативного знания, он чувствовал кроме того нечто еще; он чувствовал, что он был в действительности одним с Землей. Когда он сбрасывал свое каждодневное тело и облакал свое воскресное тело, он чувствовал как если силы проходили через все его существо; как если силы проходили через его ноги и ступни и объединяли его с Землей также, как силы, которые проходят через наши руки и кисти объединяют их с нашим телом. Он начинал чувствовать себя членом Земли. С одной стороны, он чувствовал, что он мыслил и познавал в своем эфирном теле, а с другой стороны он чувствовал себя более не отдельным человеком, но членом Земли. Он чувствовал свое существо растающим в Землю. Таким образом вся внутренняя манера переживания изменялась, когда человек облакал свое воскресное тело и подготавливал себя к познанию. Что тогда должно было произойти для того, чтобы такой древний, древний период - третий - должен был полностью прекратиться и новый период - четвертый - должен был наступить? Если мы желаем понять, что должно было произойти тогда, то было бы хорошо попытаться прочувствовать нашим путем немного глубже в древний метод описания.

Человек, который в то древнее время переживал то, что я только что описал, сказал бы: "Змей стал активным во мне". Его существо удлинялось в Землю; он более не чувствовал свое физическое тело как действительно активную часть себя; он чувствовал как если он вытягивался подобно Змеиному продолжению себя в Землю, а его голова была тем, что выступало из Земли. И он чувствовал,

что такой Змей является мыслителем. Можно было бы нарисовать человеческое существо так (Диаграмма 3): его эфирное тело проходящим в Землю, продолженное в Змеиное тело и будучи пока вне Земли как физический человек, он простирается вниз в Землю в течение времени восприятия и познания и мыслит своим эфирным телом.

"Змей стал активным во мне" говорил он. Воспринимать, было следовательно чем-то подобным такому: "Я поднимаю Змея во мне до состояния активности; я чувствую свою Змеиную природу". Что должно было произойти, так что новый период должен был наступить и новый метод восприятия возникнуть? Должно было стать более невозможным происходить таким моментам, в которых человек чувствовал свое существо протянутым в Землю через свои ноги и ступни; вдобавок такое восприятие должно было умереть в его эфирном теле и перейти в физическую голову. Если вы можете правильно представить такой переход древнего восприятия в новое, вы скажете, и хорошим выражением для такого перехода было бы: "Я ранен в моих стопах, но моим телом я наступил стопами на голову Змея", другими словами, Змей со своей головой прекратил быть инструментом мышления. Физическое тело и особенно физический мозг, убивает Змея, а Змей мстит, забирая чувство принадлежности Земле. Он кусает в пяту.

В такие времена перехода от одной формы человеческого переживания в другую то, что приходит как бы из старой эпохи, входит в конфликт с тем, что приходит в новую эпоху; ибо такие вещи являются все еще действительно одновременно существующими. Отец все еще существует достаточно долго после начала жизни сына; хотя сын происходит от отца. Атрибуты четвертого периода, Греко-Латинского были тут, но таковые третьего, Египетско-Халдейского периода все еще влияли и двигались в людях и нациях. Такие атрибуты стали перемешанными в ходе эволюции, но то, что возникает как новое и то, что приходит как бы из старых времен, продолжает жить в современности, однако не может более понимать друг друга должным образом. Старое не понимает новое. Новое должно защищать себя против старого, должно оборонять свою жизнь от него; другими словами, новое есть здесь, но предки со своими атрибутами, принадлежащие старой эпохе, все еще действуют в своих потомках, предки, которые не принимают участие в новом. Таким образом мы можем описать переход от третьего периода человечества к четвертому. Должен был существовать герой, как можно было бы сказать - лидер человечества, который в значимой манере, впервые представляет такой процесс убивания Змея, будучи раненым им; ибо он должен был в то же время сражаться против того, что определенно родственно ему, но что со своими атрибутами все еще сияло в новом периоде из старого. Предваряя человечество, одна личность должна была впервые пережить все величие того, что позднее переживут все поколения. Кто есть тот герой, который сокрушил голову Змея, который сражался против того, что было важным в третьем периоде? Кто был тем, кто направлял человечество от старого времени Саттвы в новое время Тамаса? Это был Кришна - и могло ли это быть более ясно показано, чем Восточной легендой, в которой Кришна представлен как будучи сыном Богов, сыном Махадева (Mahadeva) и Деваки (Devaki), кто вошел в Мир, окруженный чудесами (которые подчеркивали, что он приносит нечто новое) и кто, если можно приводить мой пример далее, ведет людей в поисках мудрости в их каждодневном теле, и кто сокрушает их воскресное тело - Змея; кто должен оборонять себя от того, что проектируется в новый период из родственного ему. Такой герой является чем-то новым, чем-то чудесным. Следовательно легенда

повествует, как Кришна ребенок, даже при своем рождении, был окружен чудесами и что Канза (Kansa), брат его матери желал отнять жизнь ребенка. В дяде ребенка Кришны мы видим продолжение старого, а Кришна должен оборонять себя от него; ибо Кришна должен принести новое то, что убивает третий период и заканчивает со старыми состояниями для внешней эволюции человечества. Он, кто должен защищать себя от Канза, обитателя старого века Саттвы; и среди самых замечательных чудес, которыми окружен Кришна, легенда повествует, что могущественный Змей Кали (Kali) обвился вокруг него, однако Кришна смог наступить на голову Змея стопой, хотя Змей ранил его в пятку. Здесь мы имеем нечто, о чем мы можем сказать, что легенда напрямую воспроизводит оккультный факт. Это и есть то, что делают легенды; только мы должны искать не внешнего объяснения, но должны осознать легенду верно, в истинном свете знания, для того чтобы понять ее.

Кришна есть герой установки третьего периода После-Атлантической эпохи человечества. Легенда повествует далее, что Кришна явился в конце третьей Космической эпохи. Все находится в соответствии, если верно понято. Кришна является тем, кто убивает древнее восприятие, кто вводит его во тьму. Это он совершает в своей внешней феноменальности; он низводит к состоянию тьмы то, чем как Саттва-знание прежде обладало человечество. Теперь, как он представлен в Бхагавад Гита? Он представлен там, как дающий единственной индивидуальности, как если для компенсации того, что он отобрал от него, руководство того, как через Йогу он может возвыситься к тому, что стало тогда потерянным для нормального человечества. Таким образом для Мира Кришна является как убийца древнего Саттва-знания, в то же самое время мы видим его в конце Гиты как Господа Бога Йоги, который снова должен вести нас к знанию, которое было оставлено; знание принадлежащее старым векам, которое мы можем только достичь, когда мы превзойдем и победим то, что мы теперь одеваем внешне как каждодневное одеяние; когда мы вернемся еще раз к древнему Духовному состоянию. Это было двойным деянием Кришны. Он действовал как исторический герой Мира, в том что он сокрушил голову Змея древнего знания и воззвал человека пере-войти в физическое тело, единственно в котором Эго могло быть завоевано как свободное и независимое Эго, в то время как раньше все, что составляло Эго человека притекало извне. Таким образом он был Мировым историческим Героем. Затем для индивидуума он был тем, кто во времена благоговения, медитации, внутреннего поиска давал то, что одно время было утеряно. Это есть то, с чем мы встречаемся в такой грандиозной форме в Гита, чему мы в конце нашей последней лекции позволили воздействовать на наши Души, и что Арджуна встречает как свое собственное существо, видимое внешне; видимое без начала и без конца - простирающееся через все Пространство.

Если мы рассмотрим такое состояние более ясно, мы придем к месту в Гите, которое, если мы уже были поражены величиим и могущественным содержанием Гиты, должно бесконечно расширить наше восхищение. Мы придем к изложению, которое для современного человека должно определенно явиться непостижимым; где Кришна открывает Арджуне природу Авайата-дерева (Avayata-tree), Фигового-дерева (Fig-tree), рассказывая ему, что в этом дереве корни растут вверх, а ветви вниз; где Кришна далее говорит, что отдельные листья этого дерева есть листы книги Вед, которые сложенные вместе вырабатывают знание Вед. Это отдельное изложение в Гите. Что означает такое

указание на великое дерево Жизни, чьи корни направлены вверх, а ветви вниз и чьи листья дают содержание Вед? Мы должны просто перенести себя назад в древнее знание и попытаться понять, как оно действовало. Человек сегодня имеет только, так сказать, свое современное знание, сообщаемое ему его физическими органами. Древнее знание приобреталось как мы уже описывали в теле, которое было еще эфирным, не то, что бы весь человек был эфирным, но знание было приобретено через часть эфирного тела, которое было в физическом теле. Посредством такого организма, через эфирное тело, приобреталось древнее знание. Просто представьте живо, что вы, будучи в эфирном теле могли бы воспринимать посредством Змея. Нечто тогда имелось в Мире, чего для человека сегодня уже нет более здесь. Конечно, человек сегодня может осознавать больше из того, что окружает его, когда он вводит себя в соотношение с природой; однако подумайте о нем, когда он наблюдает Мир; имеется одна вещь, которую он не воспринимает, и это есть его мозг. Ни один человек не может видеть свой мозг, когда он наблюдает Мир; как не может человек видеть и свой собственный спинной мозг. Такая невозможность исчезает, как только наблюдают эфирным телом. Новый объект затем появляется, который иначе невидим - воспринимают свою собственную нервную систему. Конечно, она не является так, как современный анатомист видит ее. Она не является так, как она является такому человеку, она является таким образом, что человек ощущает: "Да! Ты есть в твоей эфирной природе". Человек затем смотрит вверх и видит как нервы, которые проходят через все органы, собираются вместе там вверху в мозге. Это производит ощущение: "Это есть дерево, чьи корни идут вверх, а ветви простираются вниз во все члены". Это в действительности не ощущается как того же малого размера, которое мы имеем внутри нашей кожи; это ощущается как могущественное Космическое дерево. Корни простираются далеко в дали Пространства, а ветви протягиваются вниз. Человек чувствует себя Змеем и видит свою нервную систему объективизированной, человек чувствует, что она подобна дереву, которое посылает свои корни далеко в даль Пространства, а ветви свои вниз. Вспомните, что я говорил в предыдущих лекциях, что человек в некотором смысле есть инвертированное растение. Все, что я говорил в предыдущих лекциях должно быть вспомнено и сведено вместе для того, чтобы понять такую вещь, как это великолепное изложение в Бхагавад Гите. Мы тогда будем поражены древней мудрости, которая должна сегодня, посредством новых методов, быть вызвана из глубин оккультизма. Мы тогда переживаем то, что это дерево выносит на свет. Мы переживаем его листья, которые растут над ним; знание Вед, которое вливается в нас извне.

Прекрасная картина Гиты предстает ясно перед нами: дерево с его корнями, растущими вверх и его ветвями идущими вниз, с его листьями, наполненными знанием, а сам человек как Змей вокруг дерева. Вы возможно видели эту картину или встречали картину Древа Жизни со Змеем; все преисполнено значения, если рассматривать эти древние вещи. Здесь мы имеем дерево с растущими вверх корнями и обращенными вниз ветвями; человек ощущает, что оно идет в противоположном направлении Райского дерева. Это имеет свое глубокое значение; ибо Райское дерево размещено в начале другой эволюции, которая через древнюю еврейскую античность перешла в Христианство. Таким образом в этом месте нам дано указание всей природы того древнего знания и когда Кришна ясно говорит своему ученику Арджуне: "Самоотречение есть сила, которая делает это дерево видимым человечеству", нам показано как человек возвращается к тому древнему знанию, когда он отрекается от всего, приобретенного им в

дальнейшем ходе эволюции, которую мы описывали вчера. Это есть то, что дано как нечто грандиозное и великолепное Кришной своему единственному ученику Арджуне как оплата, в то время как он должен отнять это у всего человечества для каждодневного использования цивилизацией. Это есть существо Кришны. Чем тогда должно стать то, что Кришна дает своему единственному индивидуальному ученику? Это должно стать Саттва мудростью; и чем лучше он может дать ему эту Саттва мудрость, тем мудрее, яснее, спокойнее и более бесстрастнее оно будет, однако это будет древне открытая мудрость, нечто, что приближается человечеству извне таким замечательным образом в словах, которые Всевышний, другими словами, Сам Кришна, говорит и в тех словах, в которых отдельный индивидуальный ученик отвечает. Таким образом Кришна становится Господом Богом Йоги, тем, кто ведет нас назад к древней мудрости человечества, и кто всегда стремится преодолеть то, что даже в век Саттвы скрывает Дух от Души, кто желает привести Дух перед своим учеником в его изначальной чистоте, как это было прежде чем он снизошел в вещественность. Таким образом только в Духе Кришна является нам в той взаимной беседе между Кришной и своим учеником, к которой мы ссылались вчера.

Таким образом мы представили перед нашими Душами конец той эпохи, которая была последней из веков древней Духовности; той Духовности, за которой мы можем так последовать, что мы видим ее полный и совершенный Духовный свет в ее начале, а затем ее снисхождение в материю для того, чтобы человек должен был найти свое Эго, свою независимость. И когда Духовный свет снизошел так далеко как до четвертого после-Атлантического периода, имелся тогда некий вид взаимного взаимоотношения, взаимоотношения Раджаса между Духом и более внешней частью Души. В эту эпоху совершилась Мистерия Голгофы. Можем ли мы описывать эту эпоху как принадлежащую состоянию Саттва? Нет! Ибо тогда мы не должны были бы описывать как раз то, что принадлежало этой эпохе! Если некто описывает ее корректно, как принадлежащую веку Раджаса - используя выражение философии Санкхья - тот должен описывать ее соответственно Раджасу, не в терминах чистоты и ясности, но в личном чувстве, как бы восходящем до гнева об этом или том и так далее. Таким образом должно было описывать ее и таким образом Св. Павел изображает ее, в смысле ее отношения к Раджасу. Если вы чувствуете волнение многих высказываний в Посланиях Св. Павла Фессалоникийцам, Коринфянам или Римлянам, вы осознаете нечто схожее с гневом, нечто часто подобное личному характерному, пульсирующему в Посланиях Св. Павла, вырывающему себя прочь из состояния Раджаса - это есть стиль и характер этих Посланий. Они должны были так появиться; в то время как Бхагавад Гита должна была прийти чистой и свободной от личного, потому что она была цветением умирающей эпохи, которая однако дала одной индивидуальности компенсацию того что уходило, и вела его обратно к высотам Духовной жизни. Кришна должен был дать изысканнейшее Духовное цветение своему собственному ученику, потому что он должен был убить древнее знание человечества, сокрушить голову Змея. Это состояние Саттва ушло под себя, оно не было более здесь; и любой в веке Раджаса, кто говорил о состоянии Саттва, говорил только о том, что было старым. Тот, кто располагал себя в начале нового века должен был говорить в соответствии с тем, что было решающим для того времени. Персональное было внедрено в человеческую природу, потому что человеческая природа должна была найти путь искать знание через органы и инструменты физического тела. В Посланиях Св. Павла говорит личный, персональный элемент; вот почему персональное негодует против всего, что

втягивает во тьму материального; со словами гнева он негодует, ибо слова гнева часто громыхают в Посланиях Св. Павла. Вот почему Послания Св. Павла не могут быть даны в строго лимитированных строках, в остро-определенной, мудрой чистоте Бхагавад Гиты.

Бхагавад Гита может говорить в словах мудрости, потому что она описывает как человек может освободить себя от внешней деятельности, и возвысить себя в триумфе к Духу, как он может стать одним с Кришной. Она также описывает в словах, исполненных мудрости путь Йоги, которая ведет к величайшим высотам Души. Однако то, что пришло в Мир есть нечто новое, победа Духа над тем, что только относится к Душе внутри, что могло сначала только быть описанным из состояния Раджаса; и тот, кто впервые описывал это в манере, значимой для истории человечества, делал это исполненный энтузиазма; таким образом, что человек знает, что это принимает участие в нем самом, что он сам трепещет перед откровением Импульса Христа. Персональное должно затем прийти к нему, он конфронтирует впервые с тем, что должно действовать далее на тысячи лет в будущем, это пришло к нему таким образом, что все силы его Души должны принять личную участь в этом. Следовательно он не описывает философские концепции, исполненные мудрости, как в Бхагавад Гите, но описывает то, что он должен описать как Воскресение Христа, как нечто, в чем человек непосредственно и лично заинтересован.

Не должно ли это было стать личным переживанием? Не должно ли было Христианство вовлечь в то, что является самым личным, согреть его полностью и наполнить его жизнью? Истинно, тот, кто описывал событие Христа впервые, мог сделать это только как личное переживание. Мы можем видеть как в Гите главное ударение возлагается на восхождение через Йогу в Духовные высоты; остальное только затрагивается мимоходом. Почему это так? Потому что Кришна только дает свои инструкции определенному ученику и не касается того, что другие люди вовне в Мире чувствуют как свою связь с Духовным. Следовательно Кришна описывает то, чем его ученик должен стать, что он должен возвышаться все выше и выше и становиться все более и более Духовным. Это описание ведет ко все более и более зрелым состояниям Души и, следовательно ко все более и более впечатляющим образам красоты. Следовательно также это есть тот случай, что только в конце мы встречаемся с антагонизмом между демоническим и Духовным и это подтверждает красоту восхождения в Душевную жизнь; только в заключении мы видим контраст между теми, кто являются демоническими и теми, кто являются Духовными. Все такие люди из кого говорит только материальное, которые живут в материальном, которые верят что все приходит к концу со смертью, являются демоническими. Однако это только упоминается путем просвещения, дополнительного сведения, это есть ничто в сравнении с тем, в чем великий учитель Кришна действительно заинтересован; он прежде всего заинтересован в Духовности человеческой Души. Йога может только говорить о том, что противостоит Йоге, как побочный продукт. Св. Павел, превыше всего, заботится обо всем человечестве, о том человечестве, которое находится фактически в наступающем веке тьмы. Он должен обратить свое внимание на все, что такой век тьмы привносит в человеческую жизнь; он должен указать контраст жизни тьмы, общей всем, с тем, что есть Импульс Христа и который сначала должен взрасти как крошечный росток в человеческой Душе. Мы можем видеть это появляющимся у Св. Павла, когда он указывает снова и снова на все виды порока, на все виды материализма, с которыми должно сражаться через то, что он

должен дать. То, что он способен дать является сначала только мерцанием, слабым светом в человеческой Душе, который приобретет силу только через энтузиазм, лежащий позади слов и который появляется в триумфальных словах как манифестация чувства через личностное. Таким образом представления Гиты и Посланий Св. Павла далеко удалены друг от друга; в чистоте Гиты описания являются безличностными, в то время как Св. Павел должен был прорабатывать личностное в своих словах. Это есть то, что с одной стороны задает стиль и тон Гиты, а с другой стороны Посланий Св. Павла; мы встречаем это в обоих творениях почти, можно сказать, в каждой строке. Нечто может достичь художественное совершенство только если оно приобрело необходимую зрелость; в начале своего развития оно всегда является как нечто более или менее хаотичное.

Почему все это так? Этот вопрос будет отвечен, если мы вернемся к замечательному началу Бхагавад Гиты. Мы уже описывали его; мы видели множество родственников противостоящих друг другу в сражении, одного воина противостоящему другому, все еще оба победитель и побежденный родственные один другому по крови. Время, которое мы рассматриваем есть время перехода от старой кровной связи к которой принадлежит сила ясновидения - к дифференциации и смещению крови, что является характеристикой нашего современного времени. Мы противостояим трансформации внешней телесной природы человека и восприятия которая необходимо сопутствует этому. Другой вид смещения крови, новое значение крови теперь вступает в эволюцию человечества. Если мы желаем изучить переход от такой старой эпохи к новой - я напоминаю вам о моем небольшом памфлете "Оккультное значение крови" - мы должны сказать, что ясновидение древних времен зависило от факта, что кровь была, так сказать, удерживаемой в племени, в то время как новый век последовал за смещением крови, которым ясновидение было убито и возникло новое восприятие, связанное с физическим телом. Начало Гиты указывает на нечто внешнее, на нечто, связанное с человеческой телесной формой. Это с такими внешними изменениями формы занимается главным образом философия Санкхья; в том смысле, что она оставляет на заднем плане то, что принадлежит Душе, как мы указывали. Души в их множественности есть просто позади форм. В философии Санкхья мы нашли некий вид множественности; мы сравнивали это с философией Лейбница более современного времени.

Если мы способны вдуматься в Душу Санкхья философа, мы можем представить его говорящим: "Моя Душа выражает себя или в состоянии Саттва, или Раджас, или Тамас по отношению к формам внешнего тела". Но такой философ изучает формы. Эти формы изменяются и одним из самых замечательных изменений есть то, которое выражает себя в ином использовании эфирного тела или через переход относительно кровной связи, который мы только что описали. Мы имеем тогда внешнее изменение формы. Сама Душа ни в малейшем не затронута тем, чем Санкхья философ занимает себя. Внешние изменения формы вполне достаточны чтобы позволить нам рассматривать то, что имеет место при переходе от старого века Саттвы к веку Раджаса, на границе которого находится Кришна. Это есть внешние изменения формы, которые включаются здесь в рассмотрение.

Внешние изменения формы всегда включаются в рассмотрение во время изменения веков. Однако изменения формы имеют место отличным образом в течение перехода от Персидского к Египетскому периоду от того, что они

произвели при переходе от Египетского к Греко-Латинскому периоду; внешние изменения формы все еще имели место. В еще другой манере имел место переход от Древне-Индийского периода к Персидскому, однако здесь также имелось внешнее изменение формы. Действительно, это было просто изменение формы, которое произошло, когда переходя от самой древней Атлантиды в после-Атлантические века имело место изменение формы. И мы могли бы проследить это придерживаясь обозначениям философии Санкхья, мы можем проследить это просто сказав: Душа проходит через свои переживания в этих формах, но сама Душа не изменяется этим, Пуруша остается незатронутой. Таким образом мы имеем определенный вид трансформации, который может быть описан философией Санкхья ее собственными концепциями. Но за этой трансформацией находится Пуруша, индивидуальная Душевная часть каждого человека. Философия Санкхья только говорит об этом, что существует индивидуальная часть Души, которая соотносится через три Гуны - Саттву, Раджас и Тамас - со внешней формой. Однако такая Душевная часть сама не затрагивается внешними формами; Пуруша позади их всех есть то, что встречается нам в учении Кришны, в том что он, как Господь Бог Йоги, учит. Да, конечно, но природа этой Души не дается нам в виде знания. Направления, как должно развивать Душу есть высшее, что нам показывается; изменение внешних форм, но не изменение в самой Душе, только как вводное замечание.

Это первое предположение мы находим следующим образом, если человек должен подняться через Йогу от обычных стадий Души к высшим, он должен освободить себя от внешних деяний, он должен эмансипировать себя все больше и больше от внешних деяний, от того, что он делает и воспринимает внешне; он должен стать "наблюдателем" себя. Его Душа тогда усваивает внутреннюю свободу и возвышает себя триумфально над всем внешним. Это так для обычного человека, однако для того кто инициирован, посвящен и становится ясновидящим, это не остается так; он не противостоит внешней субстанции, ибо она сама по себе есть Майя. Она становится реальностью только для того, кто использует свои внутренние инструменты. Что приходит на место субстанции? Если мы рассмотрим древнюю инициацию, мы встречаем следующее: В то время, как человек в каждодневной жизни противостоит субстанции - Пракрити - Душа, которая через Йогу развила себя инициацией, посвящением должна сражаться против мира Асуров (Asuras), мира демонического. Субстанция есть то, что оказывает сопротивление; Асуры, силы тьмы становятся врагами. Но все это есть все еще предположение, мы воспринимаем это как нечто выступающее из Души, так сказать; мы начинаем чувствовать то, что свойственно Душе. Ибо Душа только тогда начнет осознавать себя как Духовная, когда она начинает вести сражение против демонов, Асуров.

На нашем языке мы должны описать это сражение, которое однако мы встречаем в миниатюре, как нечто, что становится воспринимаемым в форме Духов, когда субстанция появляется в Духовности. Мы, таким образом, воспринимаем в миниатюре то, что мы знаем как сражение Души, когда она вступает при инициации, посвящении в сражение с Ариманом. Но если мы смотрим на сражение такого рода, мы находимся тогда в самой наивнутреннейшей части Души, а что прежде было материальными Духами, вырастает в нечто гигантское; Душа тогда противостоит могущественному врагу. Душа тогда противостоит Душе, индивидуальная Душа в универсальном Пространстве противостоит царству Аримана. Это есть самая низшая стадия царства Аримана, с которой

некто сражается в Йоге; но теперь мы смотрим на это как на сражение Души с силами Аримана, с царством Аримана, он сам предстоит перед нами. Философия Санкхья распознает отношение Души ко внешней субстанции, в которой последняя имеет перевес как состояние Тамаса. Иницированный, посвященный, который вступает в инициацию посредством Йоги не только находится в состоянии Тамаса, но также в сражении с определенными демоническими силами, в которые субстанция трансформирует себя перед его взором. В том же самом смысле Душа, когда она есть в состоянии не только противостоящей Духовному в субстанции, но и чисто Духовному, находится лицом к лицу с Ариманом. Согласно философии Санкхья, Дух и материя находятся в балансе в состоянии Раджаса, они колеблются туда и сюда, сначала материя вверх, затем Дух, в одно время материя перевешивает весы, затем Дух. Если такое состояние должно приводить к инициации, посвящению, оно должно приводить в смысле древней Йоги к непосредственному преодолению Раджаса и вести в Саттва. Для нас это еще не ведет в Саттва, но к началу другого сражения - сражения с тем, что является Люциферическим.

А теперь ход наших рассматриваний приводит нас к Пуруше, которая только упоминается в философии Санкхья. Мы не только упоминаем ее, мы помещаем ее прямо в середину поля сражения против Аримана и Люцифера; одна Душевная природа сражается против другой. В философии Санкхья Пуруша видится в колоссальной перспективе; но если мы входим более глубоко в то, что принимает участие в природе Души, еще не различимое между Ариманом и Люцифером, тогда в Саттве, Раджасе и Тамасе мы только найдем отношение Души к материальной субстанции. Но рассматривая материю в нашем собственном смысле, мы имеем Душу в ее полной активности, сражающуюся и борющуюся между Ариманом и Люцифером.

Это есть нечто, что во всем своем величии может быть только рассматриваемо через Христианство. Согласно древней Санкхья учашей, что Пуруша остается непобеспокоенной, она описывает состояние, которое возникает, когда Пуруша облекает себя в Пракрити. Мы вступаем в Христианский век и в то, что поддерживает эзотерическое Христианство и мы проникаем в саму Пурушу и описываем это, принимая тройное в рассмотрение: Душу, Ариманическое и Люциферическое. Мы теперь понимаем внутреннее взаимоотношение самой Души в ее сражениях. То, что должно было прийти должно было быть найдено в переходе в четвертый период, в том переходе, который отмечен через Мистерию Голгофы. Ибо, что имело место тогда? То, что произошло в переходе от третьего к четвертому периоду, было чем-то, что может быть описано как только изменение формы; однако теперь есть нечто, что может быть описано переходом от Пракрити в саму Пурушу, что может быть охарактеризовано тем, что мы скажем: "Мы чувствуем как Пуруша полностью эмансипирует себя от Пракрити, мы чувствуем это в нашем самом наивнутреннейшем существе".

Человек не только вырван из кровных связей, но также из Пракрити, из всего внешнего, и должен внутренне покончить с этим. Затем приходит Импульс Христа. Это есть, однако, самый величайший переход, который имел место во всей эволюции Земли. Это не является более только вопросом того, что может быть состоянием Души в отношении материи в Саттве, Раджасе и Тамасе, ибо Душа должна не только преодолеть Тамас и Раджас, чтобы поднять себя над ними в Йоге, но должна сражаться против Аримана и Люцифера, ибо она теперь

оставлена на саму себя. Отсюда необходимость конфронтации с тем, что представлено нам в такой могущественной поэме - Бхагавад Гита - конфронтации того, что было необходимо в старые времена с тем, что необходимо для новых.

Эта возвышенная песня, Бхагавад Гита, показывает нам такой конфликт. Здесь нам показана человеческая Душа. Она обитает в своей телесной части, в своих оболочках. Эти оболочки могут быть описаны. Они есть то, что находится в постоянном состоянии изменения формы. Душа в своей обычной жизни живет в состоянии вовлеченности, в Праkritи. В Йоге она освобождает себя от всего, что обволакивает ее, она преодолевает то, во что она облачена и вступает в Духовную сферу, когда она полностью свободна от своих покровов. Давайте сравним с этим то, что Христианство, Мистерия Голгофы впервые приносит. Здесь не достаточно, что Душа должна только сделать себя свободной. Ибо если Душа должна освободить себя через Йогу, она достигнет лицемерия Кришны. Он появился бы во всей своей могущественности перед ней, но как если бы он был до того, как Ариман и Люцифер обрели свою полную силу. Следовательно добродетельная Божественность все еще скрывает тот факт, что рядом с Кришной - который затем становится видимым в возвышенном образе, описанным в нашей последней лекции - слева и справа находятся Ариман и Люцифер. С древним ясновидением, это было все еще возможным, потому что человек еще не снизошел в материю; но теперь это более не так. Если бы Душа должна была пройти только через Йогу, она встретила бы Аримана и Люцифера и вступила бы в сражение с ними. Она может только занять свое место рядом с Кришной, если она имеет такого союзника, Кто сражается с Ариманом и Люцифером; Тамаса и Раджаса не было бы достаточно. Такой союзник, однако, есть Христос. Таким образом мы видим как то, что является телесной природы освобождает себя от тела или, можно также сказать, от того что телесно затемняло себя в теле, в то время когда появляется Герой Кришна. Но с другой стороны мы видим то, что является еще более колоссальным; Душа оставляется на саму себя и лицом к лицу с чем-то, что является только видимым в своей собственной области в том веке, в котором произошла Мистерия Голгофы.

Я могу хорошо представить, дорогие друзья, что некто говорит: "Ну, что может быть более великолепнее, чем когда высший идеал человека, совершенство человечности помещается перед взором в форме Кришны!". Может быть нечто еще более высокое - и это есть то, что должно находиться рядом с нами и проникать нас, когда мы должны завоевать такую человечность, не только в отношении Тамаса и Раджаса, но и в отношении сил Духа. Это есть Христос. Поэтому это есть желание умственной способности видеть нечто еще более величественное, если некто предопределен видеть в Кришне самое высшее из всего. Превосходящая сила Импульса Христа в сравнении с Импульсом Кришны выражается в факте, что в последнем мы имеем воплощенное во всей человеческой природе Кришны Существо, которое было инкарнировано в нем. Кришна был рожден и вырос как сын Висудева (Visudeva); однако в его человечности был воплощен, инкарнирован такой высший человеческий Импульс, который мы распознаем как Кришна. Тот, другой Импульс, который должен находиться рядом с нами, когда мы должны противостоять Ариману и Люциферу (такое противостояние только начинается сейчас, ибо все такие вещи, как например, представленные в наших драмах Мистерий, будут поняты Душевно будущими поколениями), тот другой Импульс, который не может сразу обитать даже в таком теле, которым мог обладать Заратустра (Zarathustra), но может

только обитать в нем, когда такое тело само достигло высоты своего развития, когда оно достигло своего тридцатого года. Таким образом Импульс Христа не наполняет всю жизнь, но только самый зрелый период человеческой жизни. Вот почему Импульс Христа обитал только три года в теле Иисуса. Более возвышенная высота Импульса Христа выражается в факте, что он не мог обитать сразу в человеческом теле, как Кришна начиная со своего рождения. Мы должны говорить далее о превосходящем величии Импульса Христа в сравнении с Импульсом Кришны и как это должно быть рассматриваемо. Однако из того, что уже было охарактеризовано вы можете видеть и чувствовать, что по существу дела, отношение между великой Гитой и Посланиями Св. Павла не могло быть другим; что все представленное Гитой было зрелым плодом много, много более ранних времен и может, следовательно, быть совершенным в себе; в то время как Послания Св. Павла, будучи первыми семенами будущего - определенно более совершенного, более все-объемлещей Мировой эпохи, должны необходимо быть гораздо более незавершенными. Таким образом тот, кто представляет, как Мир идет своим курсом должен распознавать, это истинно, великие несовершенства Посланий Св. Павла в сравнении с Гитой, очень, очень значительные несовершенства - они не должны быть представлены в ложном свете - но он должен также понимать причину по которой такие несовершенства должны быть здесь.

Лекция V. Кологна, 1 Января 1913

Духовная природа Майи. Кришна - световой ореол Христа.

В течение этого курса лекций я представил перед вашими Душами два замечательных документа человечества, хотя и по необходимости описанные очень кратко, ввиду лимитированного количества лекций; и мы видели какие импульсы должны были влиться в эволюцию человечества для того, чтобы эти два значимых документа, возвышенная Бхагавад Гита и Послания Св. Павла могли прийти к существованию. Что является важным для нас, это осознать существенное различие между всем Духом Гиты и Посланий Св. Павла. Как мы уже говорили: - в Бхагавад Гита мы имеем учения, которые Кришна мог дать своему ученику Арджуне. Такие учения могли быть только даны и должны быть только даны личности индивидуально, ибо они являются в реальности в точности тем, чем они являются в Гите: учениями интимной природы. С другой стороны они появляются в Гите. Это не было так в то время, когда Гита была составлена. Они тогда не достигали всех; они были тогда сообщаемы устно. В те древние дни учителя были тщательны в утверждении зрелости ученика, которому они должны были сообщить такие учения; они всегда удостоверялись в готовности его существа к ним. В наше время это более невозможно относительно всех учений и инструкций, которые должны некоторым образом выйти открыто на свет. Мы живем в век, в котором Духовная жизнь является в определенном смысле публичной. Не то, что не существует более никакой оккультной науки сегодня, но она не может быть рассматриваема просто потому, что она не публикуется или не распространяется широко. Существует много научной оккультности в наши дни. Научное учение Фихте (Fichte), например, хотя каждый может приобрести его в печатной форме, есть действительно тайное учение; и в конце концов философия Гегеля (Hegel) является также тайной доктриной, ибо очень мало известно и имеется действительно много причин в ней чтобы оставаться тайным учением; и

это так со многими вещами в наши дни. Научное учение Фихте и философия Гегеля имеют очень простой метод чтобы оставаться тайной доктриной тем, что ими написано таким образом, что большинство людей не понимают их и впадают в сон, если они читают первую страницу. Таким путем предмет остается тайной доктриной и это так в наш собственный век со многим, о чем многие люди думают, что они знают. Они не знают этого; такие вещи остаются тайной доктриной; и в действительности такие вещи, должны быть найденными в Гите, также остаются тайной доктриной, хотя они могут быть сделаны известными в широчайших кругах посредством печати. Ибо в то время как один человек берет Гиту сегодня и видит в ней великие и могущественные откровения об эволюции собственного существа человека, другой увидит в ней только интересную поэму; для него все восприятия и чувства, выраженные в Гите являются только тривиальностями. Ибо не должно думать, что некто действительно сделал то, что есть в Гите своим собственным достоянием, хотя он может быть способным выразить это в словах самой Гиты, но который может сам быть далек от ее понимания. Таким образом грандиозность самого предмета есть во многих отношениях защита от становления общим. Что является определенным, это то, что учения, которые поэтически выработаны в Гите являются такими, которым каждый должен последовать, должен испытать их на себе, если через них он желает возвыситься в своей Душе и в конце концов пережить встречу с Господом Богом Йоги, с Кришной. Это, следовательно, есть индивидуальная суть; нечто, что великий учитель адресует только одной индивидуальности. Это не так, когда мы рассмотрим содержание Посланий Св. Павла с этой точки зрения. Здесь мы видим, что все есть для общества, все есть суть воззвания ко многим. Ибо если мы удержим наше внимание на самом наивнутреннейшем ядре сути учения Кришны, мы должны сказать: То, что некто испытывает через такое учение, он переживает это для себя одного, в строжайшем уединении собственной Души, и некто может иметь встречу с Кришной только как одинокий Душевный странник, после того, как он нашел путь обратно к изначальным откровениям и переживаниям человечества. То, что Кришна может дать, должно быть дано каждому индивидууму.

Не легче это и с откровениями, данными Миру через Импульс Христа. С самого начала Импульс Христа предназначался для всего человечества и Мистерия Голгофы не была совершена как деяние только для одной индивидуальной Души; но мы должны думать о всем человечестве с самого начала до самого конца Земной эволюции и осознавать что то, что произошло на Голгофе было для всех людей. В самой наиболее возможной степени это является делом для всего общества в целом. Следовательно стиль Посланий Св. Павла помимо того, что уже было охарактеризовано, должен быть полностью отличным от стиля возвышенной Бхагавад Гиты. Давайте еще раз представим ясно взаимоотношение между Кришной и Арджуной. Он дает своему ученику ясные указания как Господь Бог Йоги о том, как он может возвысить себя в своей Душе чтобы достичь лицезрения Кришны. Давайте сравним это с особенно насыщенным изложением в Посланиях Св. Павла, в котором общественность обращается к Св. Павлу и спрашивает его является ли это или то истинным, и может ли это быть рассматриваемым как верные точки зрения о том, что он учил. В инструкциях, которые дает Св. Павел, мы находим изложение, которое может определенно быть сравнимо с грандиозностью, даже в художественном смысле с тем, что мы находим в Гите; но в то же самое время мы находим полностью отличный тон, мы находим все высказываемое с полностью отличным Душевым чувством. Это

есть, когда Св. Павел пишет к Коринфянам о том, как полностью различные человеческие способности обнаруженные у группы людей должны действовать в кооперации. Кришна говорит Арджуне: "Ты должен быть таким и таким, ты должен делать то или это, тогда ты поднимаешься ступень за ступенью в твоей Душевной жизни". Св. Павел говорит Коринфянам: "Один из вас имеет этот дар, способность, другой другую, а третий иную; и если они действуют гармонично вместе, как делают члены человеческого тела, то результат есть Духовное целое, которое может быть Духовно проникнуто Христом". Таким образом через сам предмет Св. Павел обращается к людям, которые действуют вместе, другими словами, во множестве; и он использует важную возможность для этого - именно, когда способность, дар так называемого "говорить языками" входит в рассмотрение.

Что это есть "говорить языками", которое мы находим упоминаемым в Посланиях Св. Павла? Это есть не более, не менее чем пережиток древних Духовных способностей, которые обновленным образом, с полным человеческим сознанием, предстанут перед нами снова в наше время. Ибо когда среди методов инициации мы говорим об Инспирации, это понимается так, что человек, который достигает Инспирации в наш век не делает это с ясным сознанием также, как он выносит ясное сознание о своей силе понимания и своих осознаний чувств. Но в древние времена это было иначе, тогда такой человек говорил как инструмент высших Духовных существ, которые использовали его органы, чтобы выразить высшие вещи через речь. Он иногда мог говорить вещи, которые он сам не мог вообще понять. Такие откровения, данные из Духовных миров не обязательно были понимаемы тем, кто был использован как инструмент, и как раз это было так в Коринфе (Corinth). Ситуация возникла там из числа людей, имеющих дар "говорить языками". Они были тогда способны сделать то или иное предсказание из Духовных миров. Теперь, когда человек обладает такими дарами, все, что он способен явить посредством их является во всех случаях откровением Духовного мира, все же это может быть так, что один человек может говорить это, а другой то, ибо Духовные источники являются многообразными. Один может быть инспирирован из одного источника, а другой из другого источника и таким образом может случиться, что откровения не соответствуют друг другу. Полная гармония может только тогда быть найдена, когда в эти Духовные миры входят в полном сознании. Следовательно, Св. Павел дает следующее наставление: "Имеются некоторые, кто может говорить языками, другие, кто может истолковывать произнесенные слова. Они должны действовать вместе, как делают левая и правая руки и мы должны не только слушать тех, кто говорит языками, но также и тех, кто не имеет такого дара, но кто может истолковать и понять то, что некто способен принести вниз из Духовной сферы". Здесь опять Св. Павел выдвигает вопрос сообщества, которое может быть найдено через объединенное действие людей. В связи с этим самым "говорить языками" Св. Павел сделал такое обращение, которое, как я уже сказал, в определенных отношениях является таким великолепным, что в своей мощи оно вполне может быть сравнимо, хотя и иным образом, с откровениями Гиты. Он говорит (1-е Коринфянам, 12:3-31) "Что же касается Духовно одаренных братьев, я не оставляю вас без указаний. Вы знаете, что во время вашего язычества, вы были слепо ведомы желанием к безгласым идолам. Поэтому я поясняю вам, что также мало, как некто говорит в Духе Божьем: Проклят будь Христос; также мало может человек назвать его Господом Богом, но только через Святой Дух. Теперь, имеются различия милостивых даров, но только один Дух. Имеются различия в

руководстве человечеством, но только один Господь Бог. Имеются различия в силе, которой обладают индивидуальные люди; но имеется один Бог, Кто действует во всех силах. Однако каждому человеку дана манифестация Духа настолько, насколько он может воспользоваться им. Таким образом одному дано слово пророчества, другому слово знания; иные есть Духи, которые живут в Вере; еще иные имеют дар исцеления, иные дар пророчества, иные дар прозрения в человеческие характеры, иные дар говорить различными языками, а иным дано истолкование языков; но во всех них действует один и тот же Дух, разделяя каждому то, что должно ему. Ибо как тело является одним и имеет много членов, тем не менее все члены совместно формируют одно тело, так же есть это и с Христом. Ибо через Дух все мы крещены в одно тело, будь то еврей или грек, раб или свободный и все мы исполнены одним Духом; также и тело создано не из одного, но из многих членов. Если нога сказала бы: потому что я не рука, следовательно я не принадлежу телу, она тем не менее принадлежит телу. И если бы ухо сказала бы: потому что я не глаз, я не принадлежу телу, тем не менее оно принадлежит телу. Если все тело было бы только глазом, где был бы слух? Если все тело было бы слухом, где было бы обоняние? Но Бог установил каждого из членов в теле там, где кажется хорошим для Него. Если был бы только один член, где было бы тело? Однако имеется истинно много членов, но только одно тело. Глаз не может сказать руке: я не нуждаюсь в тебе или голова ногам - вы не нужны мне; но те, что являются слабыми членами тела, являются необходимыми, а те, что мы рассматриваем, являются особенно важными. Бог составил тело вместе и установил важность незначительных членов так, что не должно быть разделения в теле, но что все члены должны действовать гармонично совместно и должны заботиться один о другом. И если один член страдает, все другие члены страдают вместе с ним, а если один член процветает, все члены радуются с ним. Но вы, сказал Св. Павел Коринфянам, есть Тело Христа и являетесь соответственно членами его. И некоторых Бог поставил в сообществе как Апостолов, других как пророков, а третьих как учителей, четвертых как чудесных целителей, а пятых для иных деятельств в помощи, шестых для управления сообществом, а седьмых Он поставил говорить языками. Должны ли все люди быть пророками, должны ли все люди быть Апостолами, должны ли все быть учителями, все целителями, должны ли все говорить языками или должны ли все истолковывать? Следовательно, это является правильным для всех даров действовать вместе, однако чем более многочисленнее они есть, тем лучше".

Затем Св. Павел говорит о силе, которая может преобладать как в индивидуальности, так также и в сообществе, и которая удерживает все члены вместе, как сила тела удерживает все отдельные члены тела вместе. Кришна не говорит чего-нибудь более прекрасного одному человеку, чем Св. Павел говорил человечеству о его отдельных членах. Далее он говорит о силе Христа, которая удерживает различные члены вместе; и о силе, которая может обитать в одной индивидуальности как жизненная сила в каждом его членах, и все же обитать также в целом сообществе; это описывается Св. Павлом в мощных словах: "Все же я покажу вам путь, который выше, чем все остальное. Если бы я мог говорить языками людей или Ангелов и не имел бы Любви, моя речь есть только как звучание меди или бренчащей цимбалы, и если бы я мог пророчествовать и открывать все тайны и сообщать все знание Мира и если бы я обладал всей Верой, которая способна удалять сами горы и не имел бы Любви, все это было бы ничто. И если бы я распределял все Духовные дары, даже если бы я позволил самому моему телу быть сожженным, но не обладал бы Любовью, все это было бы

тщетным. Любовь длится вечно. Любовь добра. Любовь не знает зависти. Любовь не знает хвастовства, не знает гордости. Любовь не вредит пристойности, не ищет своего собственного преимущества, не позволяет себя провоцировать, не наносит никому зла, не радуется в несправедности, но радуется только в Истине. Любовь охватывает все, протекает через все верования, обнадеживает все вещи, практикует терпимость везде. Любовь, если она имеется, никогда не может быть потеряна. Пророчества исчезают, когда они исполнены; то, что говорится языками прекращается, когда это более не говорит человеческим сердцам; то, что познается, прекращается, когда предмет познания истощает себя, ибо мы познаем частично, и мы пророчествуем частично, но когда приходит то, что совершенно, тогда то, что является частичным будет исполнено полностью. Когда я был ребенком, я говорил как ребенок, я чувствовал как ребенок; когда я стал взрослым, мир детства прошел. Сейчас мы только видим смутные очертания в зеркале, но затем мы увидим Дух лицом к лицу; сейчас мое знание частично, но затем я познаю полностью. Сейчас осуществляй Веру, Надежду и Любовь; но Любовь более всего, ибо Любовь превыше всего. Для того, чтобы можно было бы иметь все Духовные дары, любой, кто сам понимает пророчество, должен также стремиться к Любви; ибо любой, кто говорит языками, говорит не среди людей, он говорит среди Богов. Никто не понимает его, потому что в Духе он говорит тайнами". Мы видим, как Св. Павел понимает природу говорения языками. Он подразумевает: говорящий языками переносится в Духовные миры; он говорит среди Богов. Любой, кто пророчествует, говорит людям, чтобы собрать, предостеречь, утешить; тот, кто говорит языками, в некотором отношении удовлетворяет себя; тот, кто пророчествует, собирает сообщество. Даже если все вы достигнете говорения языками, все же еще более важно, чтобы вы должны были пророчествовать. Тот, кто пророчествует больше, чем тот, кто говорит языками, ибо тот, кто говорит языками должен сначала понять свое собственное говорение, для того, чтобы сообщество должно делать так. Предположим, что я пришел бы к вам как говорящий языками, какая польза должна быть от меня вам, если я не объясняю, что мое говорение обозначает как пророчество, учение и откровение! Мое говорение было бы как лютня или цитра, у которой невозможно было бы ясно различить звучания. Как можно было бы различить игру на цитре или лютне, если они не производят отдельных звучаний? А если труба не производит отдельного звучания, кто стал бы вооружаться для сражения? Так же это есть и с вами; если вы не можете соединить отдельный язык с говорением языков, это все только говорение на ветер.

Все это показывает нам, что различные Духовные дары должны быть разделены между сообществом и что члены сообщества, как индивидуумы, должны действовать вместе. С этим, мы приходим к пункту, в котором откровение Св. Павла, посредством момента в человеческой эволюции, в котором оно появляется, должно отличаться от откровения Кришны. Откровение Кришны направлено одной индивидуальности, но в действительности прилагается к каждому человеку, если он является зрелым, чтобы вступить на восходящий путь, предписанный ему Господом Богом Йоги; нам все более и более напоминает об изначальных веках человечества, к которым мы всегда, согласно учению Кришны возвращаемся в Духе. В то время люди были менее индивидуализированы, возможно было предположить, что для каждого человека то же самое учение и направления были бы подходящи. Св. Павел предстоит перед человечеством, когда индивидуальности должны были становиться разделенными, когда они действительно должны были стать разделенными, каждый со своими

собственными возможностями, со своим собственным особенным даром. Тогда уже нельзя более рассчитывать на возможность вливания одной и той же вещи в каждую различную Душу; тогда должно быть указано на то, что является невидимым и управляет всем. То, что не живет ни в одном человеке как отдельная индивидуальность, хотя это может быть внутри каждого, есть Импульс Христа. Импульс Христа, опять-таки, является чем-то подобным новой Групповой Душе человечества, но такой, которая должна быть сознательно разыскиваема людьми. Чтобы сделать это более ясным, давайте представим себе, например, что некоторое количество учеников Кришны должны были бы быть отличимы в Духовных мирах от числа тех, кто был подвинут в глубочайшей части своих существ Импульсом Христа. Ученики Кришны, каждый из них, были подвинуты одним и тем же импульсом, который был дан им Господом Богом Йоги. В Духовной жизни каждый из них подобен другому. Одни и те же инструкции были даны им всем. Но те, кто был подвинут Импульсом Христа, есть те, которые когда будучи развоплощенными и в Духовном мире, обладали своей собственной особенной индивидуальностью, своими собственными различными Духовными силами. Следовательно, даже в Духовном мире один может идти в одном направлении, а другой в другом; а руководитель обоих, тот Кто изливает Себя в Душу каждого, не взирая на то, как индивидуализирован он мог бы быть, есть Христос, Кто находится в Душе каждого и в то же самое время воспаряет над всеми ними. Таким образом, мы все еще имеем разделенное сообщество, даже когда Души развоплощены, в то время, как Души учеников Кришны, когда они получали инструкции от Господа Богом Йоги, являют одно целое. Предметом человеческой эволюции, однако, является то, что Души должны стать все более и более различными.

Следовательно это было необходимым, что Кришна должен был говорить другим образом. Он действительно говорит своим ученикам так же как он это делает в Гите. Однако Св. Павел должен говорить по-другому. Он действительно говорит каждому индивидууму, и это есть вопрос индивидуального развития, соответственно степени его зрелости, останется ли человек на определенной стадии своей инкарнации бездействующим в эзотерической жизни или он будет способным войти в эзотерическую жизнь и возвысить себя в эзотерическое Христианство. Мы можем углубляться все дальше и дальше в Христианскую жизнь и достигать самых высших эзотерических высот; однако мы должны начать с чего-то совершенно отличного от того, с чего мы начинаем в учении Кришны. В учении Кришны вы начинаете с точки, которую вы достигли как человек и возвышаете Душу индивидуально, как отдельное существо; в Христианстве, прежде чем вы попытаетесь идти дальше по пути, вы должны приобрести связь с Импульсом Христа, чувствуя в первую очередь то, что превосходит все остальное. Духовный путь к Кришне может быть пройден тем, кто получает инструкции от Кришны; Духовный путь к Христу может быть пройден любым, ибо Христос принес Мистерию для всех людей, которые чувствуют стремление к ней. Это, однако, является чем-то внешним, исполненным на физической плоскости; первый шаг, следовательно, осуществляется на физической плоскости. Это является существенной вещью. Истинно, не нужно ни для кого, если смотреть на Мировое историческое значение Импульса Христа, начинать с принадлежности тому или иному Христианскому верованию; напротив, можно как раз в наше время, даже начать с анти-Христианской точки зрения или с безразличия к Христу. Все же если некто углубляется в Духовную жизнь нашего собственного века, изучая противоречия и безрассудство материализма, возможно

некто может быть искренне приведен к Христу, даже если с начала некто мог и не принадлежать какому-нибудь отдельному вероисповеданию. Следовательно, когда говорится вне нашего круга, что мы начинаем с особенного Христианского верования, это может быть рассматриваемо как особенная клевета; ибо сутью является не начинание с определенного верования, но что в ответе на запросы самой Духовной жизни, каждый, будь он Магометянин или Буддист, Еврей или Индус, или Христианин, будет способен понять Импульс Христа в его полном значении для эволюции человечества. Это желание мы видим глубоко проникающим все суждение и представление Св. Павла и в этом отношении он является абсолютно тем, кто задает тон для первого провозглашения Импульса Христа миру.

Как мы уже описывали, как философия Санкхья касается изменения форм, того, что относится к Пракрити, мы можем также сказать, что Св. Павел во всем, что подлежит его проникновенным Посланиям, имеет дело с Пурушей, которая относится к Душе. То, чем должна стать Душа, судьба Души, как через всю эволюцию человечества она развивается многообразными путями, касательно всего этого, Св. Павел дает нам полностью определенные и глубокие заключения. Имеется фундаментальное различие между тем, что Восточная мысль все еще способна дать нам и тем, что мы находим сразу же с такой замечательной ясностью у Св. Павла. Мы указали вчера, что согласно Кришне, все зависит от нахождения человеком своего пути из изменения форм. Однако Пракрити остается вовне, как нечто чуждое Душе. Все стремление в таком Восточном методе развития и даже в Восточной инициации, склоняется к тому, чтобы освободиться от материального существования, от того, что распространено вовне в Природе; ибо это, согласно философии Вед, есть только Майя. Все внешнее есть Майя и чтобы быть свободным от Майи есть Йога. Мы указали, как в Гите ожидается от человека, что он станет свободным от всего, что он делает и исполняет, от того, что он желает и думает, от того, что ему нравится и радует, и в своей Душе он восторгается над всем внешним. Деяние которое человек исполняет, должно равно отпасть от него и таким образом покоясь внутри себя, он найдет удовлетворение. Таким образом тот, кто желает развиваться согласно учению Кришны, стремится стать подобным Парамахамса (Paramahansa), другими словами, высоким Посвященным, который оставляет все материальное существование позади себя, кто триумфирует над всем, что он сам исполнил своими деяниями в этом Море чувств и переживает чистое Духовное бытие, так преодолев то, что принадлежит чувствам, что он более не жаждет реинкарнации, что он не имеет ничего общего с тем, что наполняет его жизнь и на что он действует в этом чувственном Море. Таким образом это есть выходение из такой Майи, триумф над ней, которые встречаются нам всюду в Гите. У Св. Павла это не так.

Если бы он должен был встретиться с этими Восточными учениями, нечто в глубинах его Души вынудило бы следующие слова выйти наружу: "Да, ты желаешь подняться над всем, что окружает тебя вовне, над тем, что ты прежде совершил здесь! Желаешь ты оставить все это позади себя? Не есть ли это все творение Бога, не является ли все, над чем ты желаешь поднять себя, сотворенным Божественным Духом? Презирая это, не презираешь ли ты творение Бога? Не живет ли откровение Божьего Духа везде в нем? Не искал ли ты сначала выражения Бога в своей собственной работе, в Любви, Вере и Благоговении, а

теперь ты желаешь триумфировать над тем, что есть творение Бога?".

Было бы хорошо, если бы мы запечатлели эти слова Св. Павла - которые хотя и невысказанные, ощущались в глубинах его Души - глубоко в наши собственные Души; ибо они выражают важную часть того, что мы знаем как Западное откровение. В смысле Св. Павла, мы также говорим о Майе, которая окружает нас. Мы конечно говорим: Мы окружены Майей; но мы также говорим: Не есть ли это Духовное откровение в этой Майе, не есть ли все это Божественное Духовное творение? Не является ли это богохульством не смочь понять, что Божественное Духовное творение есть во всех вещах? Теперь возникает другой вопрос: Почему эта Майя есть здесь? Почему мы видим Майю вокруг нас? Запад не останавливается на вопросе о том, является ли все Майей; он вопрошает о причине Майи. Затем следует ответ, которые ведет нас в центр Души - в Пурушу: Потому что Душа попала однажды под власть Люцифера, она видит через покров Майи и простирает покров Майи на все. Есть ли это погрешность объективности, что мы видим Майю? Нет. Для нас, как Душ, объективность явилась бы во всей своей истинности, если мы бы не попали под власть Люцифера. Она является нам как Майя, потому что мы не способны взглянуть вниз в основания того, что распространено здесь. Это происходит от того, что Душа попала под власть Люцифера; это не есть погрешность Богов, это есть погрешность нашей собственной Души. Ты, О Душа, создала Мир Майи себе, потому что ты подпала под власть Люцифера. От высшего Духовного осознания этой формулировки вплоть до слов Гете: "Чувства не обманывают, но обманывает суждение", имеется одна прямая линия. Обыватели и фанатики могут бороться против Гете и его Христианства, столько, сколько им нравится; он все же может сказать, что он является наиболее Христианским из людей, ибо в глубинах своего существа он мыслит как Христианин, даже в самой этой формулировке: "Чувства не обманывают, но обманывает суждение". Это есть прегрешение самой Души, что то, что она видит появляется как Майя, а не как истинность. Таким образом то, что в Ориентализме является просто как деяние самих Богов, искажается в глубинах человеческой Души, где происходит великое сражение с Люцифером.

Таким образом Ориентализм, если мы рассматриваем его верно, есть в определенном смысле материализм в том, что он не распознает Духовность Майи и желает подняться над Материей. То, что пульсирует через Послания Св. Павла является доктриной Души, хотя и существующей только в зародыше и, следовательно, являющейся ошибочно и превратно понятой так, как это есть в наше время Тамаса, однако она будет в будущем распространена по всей Земле. Это, касающееся специфической природы Майи должно будет быть понято; ибо только тогда можно понять полную глубину того, что является предметом прогресса человеческой эволюции. Только тогда, понимается то, что Св. Павел подразумевает, когда он говорит о первом Адаме, который поддался Люциферу в своей Душе и который был, следовательно, все более и более вовлечен в Материю, что означает ничто иное, как следующее: вовлечение в ложное переживание Материи. Как Божественное творение, внешняя Материя является хорошей; то, что происходит здесь это хорошо. Но то, что переживает Душа в ходе человеческой эволюции, становится все более и более плохим, потому что в начале Душа подпала под власть Люцифера. Следовательно Св. Павел назвал Христа вторым Адамом, ибо Он пришел в Мир не соблазненный Люцифером и, следовательно, Он может быть таким водителем и другом человеческих Душ, который может вести их от Люцифера, то есть, в правильное взаимоотношение к

Нему. Св. Павел не мог рассказать человечеству в то время все, что он, как Посвященный знал; но если мы позволим Посланиям воздействовать на нас, мы увидим, что имеется больше в их глубинах, чем они выражают внешне. Вот почему Св. Павел говорил сообществу и должен был считаться с пониманием этого сообщества. Вот почему в некоторых его Посланиях кажутся существующими абсолютные противоречия. Однако тот, кто может внедриться в глубины, найдет везде Импульс Существа Христа. Давайте вспомним здесь как мы сами представляли наступление Мистерии Голгофы. С течением времени мы распознали, что имеется две различные истории о молодом Иисусе Христе в Евангелии Св. Матфея и Св. Луки, потому что в действительности имелось два Иисуса. Мы видели, что внешне - по плоти, согласно Св. Павлу, который подразумевал физическое происхождение - оба Иисуса происходили от рода Давида; один произошел по линии Натана (Nathan), а другой по линии Соломона (Solomon); что таким образом имелось два Иисуса младенца, рожденные приблизительно в одно и то же время. В одном Иисусе младенце, от Евангелия Св. Матфея, мы найдем воплощенного Заратустру (Zarathustra); и мы подчеркнуто утверждали, что в ином Иисусе младенце, описанном Св. Лукой, не имелось такого Эго, которое обычно должно быть найдено, и конечно не такое, которое существовало в другом Иисусе младенце, в котором обитало высоко развитое Эго Заратустры. В Иисусе Св. Луки обитала та часть человека, которая не вступала в человеческую эволюцию на Земле.

Это скорее всего является трудным сформировать верную концепцию, но мы должны просто попытаться мыслить как, так сказать, Душа, которая была воплощена в Адаме, кто может быть описан как Адам в смысле моего "Тайноведения", поддался Люциферическому соблазну, что символически описано в Библии как падение Человека в Рае. Мы должны представить это. Затем мы должны представить далее, что наряду с человеческой Душевной природой, которая воплотилась в теле Адама, имелась человеческая часть, имелось человеческое существо, которое осталось позади и не воплотилось тогда, которое не вошло в человеческое тело, но осталось "чистой Душой". Вы должны теперь только представить как, прежде чем физический человек возник в эволюции человечества, существовала одна Душа, которая затем разделила себя на две части. Одна часть, один отпрыск общей Души, поддался Люциферу и так далее. Что касается другой братской Души, как бы, мудрые водители Мира предвидели наперед, что это не было бы хорошо, ей также быть воплощенной; она была удержана в Душевном мире; она следовательно не приняла участия в инкарнациях человечества, но была оставлена позади. С такой Душой никто не общался, кроме Посвященных. В течение эволюции, предшествующей Мистерии Голгофы эта Душа, следовательно, не вбирала в себя переживания Эго, ибо это могло быть получено только инкарнацией в человеческом теле. Тем не менее, она обладала всей Мудростью, которая могла быть достигнута через состояния Сатурна, Солнца и Луны, она обладала всей Любовью, на которую способна человеческая Душа. Такая Душа оставалась, как бы, непорочной от всех прегрешений, которые человек может приобрести в ходе своих инкарнаций в человеческой эволюции. Она не могла быть встречена как человеческое существо внешне; но она была воспринимаема древними ясновидящими и была распознана ими; они, так сказать, встречались с ней в Мистериях. Таким образом, здесь мы имеем Душу, которая, можно сказать, была внутри, но все-таки над эволюцией человечества, которая сначала была воспринимаема в Духе; мы имеем здесь до-

Человека, истинного сверх-Человека.

Это была та Душа, которая вместо Эго была воплощена в Иисусе младенце по Евангелию Св. Луки. Вы вспомните лекции в Бале (Bale); этот факт был уже выдан тогда. Мы должны, следовательно, иметь дело с Душой, которая была только подобна Эго, которая естественно действует как Эго, когда она проникает тело Иисуса, однако которая во всем, что она представляет, является полностью отличной от обычного Эго. Я уже упоминал тот факт, что младенец по Евангелию Св. Луки говорил языком, понятным его матери, как только он явился в Мир и другие факты подобной природы были наблюдаемы в нем. Затем мы знаем, что Иисус по Евангелию Св. Матфея, в котором обитало Эго Заратустры, вырос до двенадцатого года, а младенец по Евангелию Св. Луки также вырос, не обладая особенными человеческими знаниями или наукой, однако нося Божественную мудрость и Божественную силу Жертвенности внутри себя. Таким образом Иисус по Евангелию Св. Луки рос не будучи особенно одаренным тем, что может быть выучено внешне. Мы знаем далее, что тело Иисуса по Евангелию Св. Матфея было покинуто Эгом Заратустры и что на двенадцатом году Иисуса по Евангелию Св. Луки его тело было завладено тем же самым Эгом Заратустры. Это есть тот момент, упоминаемый когда повествуется о двенадцатилетнем Иисусе по Евангелию Св. Луки, что когда его родители потеряли его, он стоял перед мудрецами Храма. Мы знаем далее, что этот Иисус по Евангелию Св. Луки носил Эго Заратустры в себе до тридцатого года; затем Эго Заратустры оставило тело Иисуса по Евангелию Св. Луки и все оболочки были завлажены Христом, сверх-человеческим Существом высших Иерархий, которое только вообще могло обитать в человеческом теле, постольку, поскольку Ему было предоставлено тело, которое сначала было проникнуто вплоть до двенадцатого года до-человеческими силами Мудрости и до-человеческими Божественными силами Любви, а затем было все более и более проникнуто всем, что Эго Заратустры приобрело через многие инкарнации посредством Инициации. Никаким другим образом, вероятно, невозможно так хорошо приобрести верное уважение, верное почитание, короче, верное чувство в целом для существа Христа, как пытаюсь понять, какой сорт тела был необходим для такого Эго Христа, чтобы было возможным вообще войти в человечество. Многие люди рассматривают, что в таком представлении, данным из Святых Мистерий нового века о существе Христос, Он таким образом делается таким, чтобы возникнуть менее интимным и человеческим, чем Христос-Иисус, которого так много почитают тем образом, в котором Он обычно представлен - знакомым, близким человеку, воплощенным в обычное человеческое тело, в котором ничто, подобное Эго Заратустры не обитало. Это приносится как упрек против нашего учения, что Христос-Иисус здесь представлен как составленный из сил, притянутых из всех областей Космоса. Такое порицание происходит только от ленности человеческого восприятия и человеческого чувства, которая не желает поднять себя к истинным высотам восприятия и чувства. Самое величайшее из всего должно быть осознано нами так, что наши Души должны сделать самые невозможнейшие усилия, чтобы достичь внутренней интенсивности восприятия и чувства, необходимого для того, чтобы донести самое Величайшее, самое Высочайшее вообще близко до нашей Души. Наше первые чувства будут таким образом подняты еще выше, если мы рассмотрим их в таком свете. Мы знаем еще другую вещь. Мы знаем, как мы должны понимать слова Евангелия: "Божественные силы открываются в Высотах и Мир распространится среди людей доброй воли". Мы знаем, что это послание Мира и Любви прозвучало, когда появился Иисус по Евангелию Св. Луки, потому что

Будда слился с астральным телом Иисуса по Евангелию Св. Луки; Будда, который уже жил в существе, которое прошло через свое последнее воплощение, как Гаутама Будда и поднялось, чтобы совершенствоваться Духовно. Так что в астральном теле Иисуса по Евангелию Св. Луки, Будда явил себя, когда он прогрессировал вплоть до события Мистерии Голгофы на Земле.

Таким образом мы имеем существо Иисуса Христа представленным перед нами способом, который только теперь возможен для человечества на основе Духовной науки. Св. Павел, хотя и будучи Посвященным, был вынужден говорить в концепциях более простых для понимания в то время; он не мог тогда предполагать, что человечество способно понять такие концепции, какие мы представили перед вашими сердцами сегодня. Его Инспирация, однако, была выведена из его Инициации, которая произошла как деяние Милости. Потому что он не достиг ее через регулярное обучение в древних Мистериях, но через Милость по пути в Дамаск, когда воскресший Христос явился ему, следовательно я называю такую Инициацию доставленную через Милость. Однако он пережил это видение в Дамаске таким образом, что посредством его, он знал, что Тот, Кто воскрес в Мистерии Голгофы живет в сфере Земли и был прикреплен к ней с события Голгофы. Он распознал воскресшего Христа. С этого времени он провозвещал Его. Почему он был способен видеть Его тем особенным образом? В этой точке мы должны углубиться несколько в природу такого видения, такой манифестации, как в Дамаске; ибо это было видение, манифестация совершенно особенного вида. Только те люди, которые никогда не желают познать что-нибудь из оккультных фактов, рассматривают все видения как являющимися одного вида. Они не различают такое событие, как видение Св. Павла от многих других видений таких, которые явились Святым позднее. Что действительно являлось причиной того, что Св. Павел мог распознать Христа, как он сделал это, когда Он явился ему по пути в Дамаск? Почему несомненная убежденность пришла к нему, что это был воскресший Христос? Этот вопрос ведет нас к другому: Что является необходимым для того, чтобы все существо Христа было способно полностью войти в Иисуса из Назарета при крещении Иоанном в Иордане? Теперь, мы только что сказали, что было необходимо подготовить тело в которое существо Христос могло снизойти. Но, что является необходимым для того, чтобы Воскресший мог явиться в такой уплотненной Душевной форме, как он явился Св. Павлу? Что, затем являлось тем ореолом (halo) света, в котором Христос явился Св. Павлу перед Дамаском? Что это было? Откуда это взялось?

Если мы желаем ответить на эти вопросы, мы должны добавить несколько заключительных ссылок к тому, что я уже сказал. Я говорил вам, имелась как бы братская Душа Душе Адама, той Душе, которая вошла в последовательность человеческих поколений. Эта братская Душа осталась в Душевном мире. Это была братская Душа, которая была воплощена в Иисусе по Евангелию Св. Луки. Однако она не была тогда воплощена впервые в человеческом теле в строгом смысле слов, она уже была однажды воплощена пророчески. Эта Душа уже использовалась как посланник священных Мистерий; она была, так сказать, взлелеянной и культивированной в Мистериях, и бывала послана, когда только что-нибудь особенно важное для человека должно было иметь место; но она могла быть явлена видению только в эфирном теле и могла быть только воспринимается, строго говоря, так долго, пока оставалось древнее ясновидение. В ранние века оно все еще существовало. Следовательно эта древняя братская Душа Адама не имела необходимости в то время снисходить вплоть до физического

тела, для того, чтобы быть видимой. Таким образом она являлась на Земле периодически в человеческой эволюции, посланной импульсами Мистерий во все времена, когда важные вещи должны были иметь место в эволюции Земли; но ей не нужно было воплощаться в древние времена, потому что ясновидение еще было здесь. Впервые ей было необходимо воплотиться, когда древнее ясновидение должно было быть преодолено переходом человеческой эволюции от третьего к четвертому после-Атлантическому периоду, о котором мы говорили вчера. Затем, в качестве компенсации, она предприняла воплощение для того, чтобы быть способной выразить себя в то время, когда ясновидения более не существовало. Единственное время, когда эта братская Душа Адама была вынуждена явиться и стать видимой физически, она была воплощена, так сказать, в Кришне; а затем она была воплощена снова в Иисусе по Евангелию Св. Луки. Таким образом теперь мы можем понять, как это было, что Кришна говорил в такой сверх-человеческой манере, почему он является самым лучшим учителем для человеческого Эго, почему он представляет, так сказать, победу над Эго, почему он является так Душевно возвышенным. Это потому, что он является как человеческое существо в возвышенный момент, который мы представили перед нашими Душами в предпоследней лекции, как Человека, еще не снисходившего в человеческие инкарнации. Он затем является снова, будучи воплощенным в Иисусе по Евангелию Св. Луки. Отсюда то совершенство, которое наступило, когда самые значительные Мировые концепции Азии, Эго Заратустры и Дух Кришны были объединены в двенадцатилетнем Иисусе, описанным Св. Лукой. Он, кто говорил мудрецам в Храме являлся, следовательно, не только Заратустрой, говорящим как Эго, но и тем, кто говорил из таких источников, из которых Кришна однажды извлек Йогу; он говорил о Йоге поднятой на ступень выше; он объединил себя с мощью Кришны, с самим Кришной для того, чтобы продолжать расти вплоть до своих тридцати лет. Таким образом Духовные течения человечества сливаются вместе. Так что в том, что произошло при Мистерии Голгофы, мы действительно имеем кооперацию самых важных водителей человечества, синтез Духовной жизни. Когда Св. Павел имел свое видение перед Дамаском, Он, который явился ему затем, был Христом. Ореол света, в котором Христос был облачен был Кришной. И потому, что Христос взял Кришну для Своего собственного Душевного облачения, через которое Он затем действовал далее, следовательно в свете, который сиял там, в Самом Христосе, имелось все, что однажды содержалось в возвышенной Гите. Мы найдем многое из такого учения Кришны, хотя и распределенное вокруг, в откровениях Нового Завета. Такое древнее учение Кришны по такому счету становится персональной сутью всего человечества, потому что Христос не является таким человеческим Эго, принадлежащим человечеству, но Высшим Иерархиям. Таким образом Христос принадлежит также тем временам, когда человек не был еще отделен от того, что теперь окружает его как материальное бытие, и что теперь сокрыто для него в Майе посредством его собственного Люцефирического соблазна. Если мы взглянем назад на всю эволюцию, мы найдем, что в те древние времена не существовало еще строгого разделения на Духовное и материальное; материальное было тогда все еще Духовным, а Духовное - если можно так сказать - все еще манифестировало себя внешне. Таким образом потому, что в Импульсе Христа нечто вошло в человечество, что полностью предотвратило такое строгое разделение, которое мы находим в философии Санкхья между Пурушей и Праkritи, Христос становится Водителем людей из самости и к Божественному творению. Должны ли мы тогда говорить, что мы должны безусловно оставить Майу теперь, когда мы распознали, что она является быть данной нам

посредством нашей собственной погрешности? Нет, ибо это было бы богохульствованием Духа в Мире; это было бы назначением материи свойств, которые мы сами наложили на нее покрывалом Майи. Давайте лучше надеяться, что когда мы преодолеем в себе то, что вынуждает материю становиться Майей, мы можем снова быть приведены в соответствие с Миром.

Ибо не слышим ли мы звучащим из Мира вокруг нас, что это есть творение Элохимов (Elohim) и что в последний день творения они смотрели и увидели, что это есть очень хорошо? То, что должно было бы быть исполнено Кармой, если бы не было ничего кроме учения Кришны (ибо не существует ничего в Мире, что не исполняет свою Карму), если бы во всей вечности было бы только учение Кришны, тогда материальное бытие, которое окружает нас, манифестация Бога, в котором Элохимы в начальной точке эволюции сказали: "Смотри все было очень хорошо" встретило бы суждение людей: "Это не есть хорошо, я должен отказаться от этого!". Суждение человека заменило бы суждение Бога. Мы должны научиться понимать слова, которые расположены как Мистерия в заглавии эволюции; мы не должны рассматривать суждение человека выше, чем суждение Бога. Если бы вообще все, что могло бы пристать к нам путем прегрешения отпало бы от нас, и все-таки это одно прегрешение осталось бы, которое злословит творение Элохимов, Карма Земли была приведена бы в исполнение; в будущем, все выпало бы на нас и Карма должна была бы исполнить себя таким образом. Для того, чтобы этого не случилось, Христос явился в Мире так, чтобы привести нас в соответствие с Миром, чтобы мы могли научиться преодолевать Люциферические силы соблазна и научиться проникать через покров; это - мы можем сказать, есть Божественное откровение в его истинной форме - то, что мы можем найти Христа как Гармонизатора, Кто приведет нас к истинной форме Божественного откровения так, что через Него мы можем научиться понимать изначальные слова: "Вот смотри, это есть очень хорошо". Для того, чтобы мы могли приписать самим себе то, что мы не смогли бы никогда снова осмелиться приписать Миру, нам нужен Христос, ибо все другие прегрешения будут удалены от нас и все-таки это прегрешение может быть удалено только Им. Оно, преобразованное в моральное чувство, есть обновленная сторона Импульса Христа. Это показывает нам в то же самое время, почему возникла необходимость для Импульса Христа, как высшей Души облачить себя в Импульс Кришны.

Описание, которое я дал вам в этом курсе лекций не должно быть принято, как только теория, только как число мыслей и идей должных быть усвоенными; оно должно быть принято, как некий сорт Новогоднего дара, дара, который должен влиять на наш Новый Год и откуда он должен действовать как то, что мы можем воспринимать через понимание Импульса Христа, постольку, поскольку это помогает нам понять слова Элохимов, которые звучат к нам вниз с самого изначального начала творения нашей Земли и смотреть на намерение нашего курса в то же самое время, как на стартовую точку нашего Антропософского (Человекознание, Человекомудрость - от греческих слов: Антропос - Человек, София - Знание, Мудрость - прим. пер.) Духовного течения. Оно должно быть Антропософским, потому что посредством него будет все более и более распознано, как человек может в себе достичь само-познания. Он не может еще достичь полного само-познания, как не может Антропос достичь познания Антропоса, человек достичь познания человека так долго, пока такой человек способен то, что он должен вынести в своей собственной Душе, рассматривать

как дело, разыгрываемое между ним и внешней Природой. То, что Мир должен явиться нам будучи погруженным в материю, является вещью, которую Боги приготовили для нас, это есть дело наших собственных Душ, вопрос высшего само-познания; это есть нечто, что человек должен сам распознать в своей собственной человечности, это есть вопрос Антропософии, посредством которой мы можем прийти к восприятию того, чем Теософия (Богознание, Богомудрость - от греческих слов: Тео - Бог, София - Знание, Мудрость - прим. пер.) может стать для человечества. Это должно быть чувство величайшей скромности, которое побуждает человека принадлежать Антропософскому движению; скромность, которая говорит: Если я хочу переступить через то, что является делом человеческой Души и предпринять сразу высший шаг в Божественное, смирение, скромность может очень легко исчезнуть у меня и гордость заступить на ее место; тщеславие может легко установиться. Пусть Антропософское Сообщество также будет стартовой точкой в эту высшую моральную сферу; превыше всего, пусть оно избежит всего, что так легко вкралось в Теософское движение путем гордости, тщеславия, амбиций и желания получения того, что является наивысшей Мудростью. Пусть Антропософское Сообщество избежит всего этого, потому что с его самой стартовой точки, она уже рассматривает то, что соглашение с Майей является делом самой человеческой Души.

Необходимо чувствовать, что Антропософское Сообщество должно быть результатом основательнейшей человеческой скромности. Ибо из такой скромности должна проистекать глубокая искренность, касательно священных истин в которые она проникнет, если мы отправляемся в такую сферу сверхчувственного, Духовного. Давайте, следовательно понимать адаптацию названия "Антропософское Сообщество" в истинной скромности, в истинной смиренности, говоря себе: Пусть все, что остается от такой гордости и недостатка скромности, тщеславия, амбиций и неискренности, которые разыгрываются под именем Теософии, будет искоренено, если теперь, под знаком и управлением скромности, мы начнем смиренно взглядывать на Богов и Божественную Мудрость, а с другой стороны с сознанием долга изучать человека и человеческую мудрость, если мы почтительно приближаемся к Духовной науке и с сознанием долга посвящаем себя Антропософии. Антропософия приведет нас к Божественному и к Богам. Если с ее помощью мы научимся в высшем смысле взглядывать скромно и искренне в нас самих и видеть как мы должны бороться против всей Майи и всех погрешностей посредством само-тренировки и наистрожайшей само-дисциплины, тогда, как записанное на бронзовой табличке может стоять над нами слово "Антропософия"! Пусть это будет призывом к нам, что превыше всего мы должны искать посредством нее приобретения само-познания, скромности и таким путем стремиться воздвигнуть здание, основанное на истине, ибо истина может только расцвести, если само-познание завладеет человеческой Душой в глубокой искренности. Что является источником всего тщеславия, всей неискренности? Желание само-познания. Из чего единственно может происходить истина, из чего может происходить истинное почитание Божественных миров и Божественная Мудрость? Из истинного само-познания, само-тренировки, само-дисциплины. Следовательно, пусть то, что будет проистекать и пульсировать через Антропософское движение служит такой цели. По этим причинам этот особенный курс был дан на стартовой точке Антропософского движения и он должен доказать, что не имеется никакого вопроса узкости, но что именно через наше движение мы можем расширить наш горизонт за те дали, которые включают также и Восточную мысль. Давайте примем это смиренно в само-обучающейся

Антропософской манере, создавая желание в нас дисциплинировать и тренировать себя. Если Антропософия, мои дорогие друзья, будет принята среди вас таким путем, она затем приведет к благотворному окончанию и достигнет цели, которая может простирается до каждой индивидуальности и каждого человеческого сообщества для их благополучия. Поэтому позвольте быть высказанным этим словам, которые будут последними из этого курса лекций, но из которых что-нибудь, вероятно, многие в грядущие дни возьмут с собой в свои Души, так что это может дать плоды в нашем Антропософском движении, в котором вы, мои дорогие друзья, так сказать, встретились сегодня впервые вместе. Пусть мы всегда так встречаемся под знаком Антропософии, что мы имеем право вызвать слова с которыми мы теперь заключаем, слова смиренности и само-познания, которые мы должны теперь в этот момент поместить как идеал перед нашими Душами.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

